

ГЕННАДИЙ ЛАПИДУС

ИЗМЕНЕНИЕ СОЗНАНИЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

СУЩНОСТЬ

18+

Геннадий Лapidус

**Изменение сознания.
Книга 1. Сущность**

«Автор»

2026

Лapidус Г.

Изменение сознания. Книга 1. Сущность / Г. Лapidус —
«Автор», 2026

«Молодой учёный, посвятивший себя исследованию скрытых возможностей человека, неожиданно обнаруживает в себе способности, которые невозможно объяснить современной наукой. Поиск ответа приводит его к Парацельсу и тайне, пережившей пять столетий.»

© Лapidус Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Книга первая	6
Эпиграф	7
Пролог.	8
Глава 1	9
Глава 3. Старые связи	12
Глава 4. Петербург. Поздний вечер	15
Глава 5. Фонд Парацельса	17
Глава 6. Резонанс	20
Глава 7. Город	22
Глава 8. Поиск себя	28
Глава 9. Петер	31
Глава 10. Первые тени.	35
Глава 11. Иероним Фогель	38
Глава 12. Фигура в тени	42
Глава 13. Давление	45
Глава 14. Бамбергский посланник	49
Глава 15. Совет у Пиркгеймера	53
Глава 16. Быстрая слава	54
Глава 17. Колба и камень из Аугсбурга	61
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Изменение сознания. Книга 1. Сущность

Глава

Изменение сознания

Книга первая

Сущность
роман

Эпиграф

Если представить время одним человеческим ощущением — каким бы оно было?

Ладонь на холодном камне?

Запах пива из подвала?

Может быть — скрип двери?

Скрип двери — это не просто звук.

Это граница между мирами.

Скрип — значит, кто-то входит или выходит.

Кто-то живой касается мёртвого дерева — и время чуть приоткрывается.

В этом жесте есть всё, что вы ищете.

Тайна — потому что мы не знаем, кто за дверью.

Быт — потому что дверь самая обычная.

Время — потому что она скрипит уже пять веков.

Это шаг отдельного человека, который на мгновение становится главным героем истории.

И знаете, мне кажется, роман именно об этом.

О двери, которая соединяет века.

Парацельс открывает одну.

Алекс — другую.

А время между ними — старый протёртый порог.

Пролог.

До того, как появилась Земля

Ещё не было ни материков, ни океанов. Лишь холодный вакуум, наполненный пылью и осколками погибших звёзд. Они кружили медленно, как пепел над тёмной водой, — бесконечно долго, дольше любых мыслимых представлений. Там, где теперь движется Земля, не было ничего, кроме гравитации и ожидания.

Среди этих частиц существовали особые — они не светились и не имели формы, но хранили в себе нечто необыкновенное. Казалось, когда-то, ещё до появления времени, кто-то запечатал в них особую энергию. Не слово, не образ, не приказ, а потенциал, способность отозваться, когда во Вселенной появится сознание, способное услышать.

Когда материя начала сгущаться, и будущая Земля стекалась в раскалённый шар из сияющей пыли, эти частицы осели в самых глубинных слоях планеты. Они не были живыми, но и не были мёртвыми. Они помнили.

Падал дождь из метеоритного железа, глыбы плавилась от жара, океаны испарялись и рождались вновь. Под всем этим хаосом происходило другое — невидимое формирование: углерод, металл и кремний образовывали кристаллические решётки, и среди них закреплялась искра той древней силы.

Миллионы лет давление и жар превращали первородную смесь в чёрный камень — плотный, матовый, впитывающий свет. Шунгит ещё не имел имени, но уже нёс в себе узел структур, способных отзываться. Молекулы углерода выстраивались в многогранники — будущие фуллерены, хранящие знание.

Таких мест было немного — всего несколько зон на всю планету. Одни ушли в глубину мантии, другие рассыпались в недрах. Но одна из них — та, что позже станет карельским шунгитом, — выстояла. Она пережила остывание Земли, дрожь тектонических плит, древние моря и медленно поднималась, слой за слоем, пока спустя миллиарды лет не оказалась почти у поверхности.

И всё это время камень ждал.

Он ждал нечто — энергию, способную коснуться его и раскрыть силы, хранящиеся в нём.

И эти силы отзовутся.

Глава 1

Он жил один. Не потому, что так решил, — просто всё постепенно рушилось. Когда-то была женщина, мечты, разговоры о будущем. Но пришли девяностые — время, когда всё ценное в человеке проверялось простыми вещами: деньгами и выбором.

Кто-то держался рядом, кто-то уходил, кто-то искал только удобства. Она устала ждать — хотела ясности, дома, обычной жизни. А он всё глубже уходил в работу, книги, эксперименты с дыханием и вниманием. Ничего не разрушилось громко — просто однажды ничего не осталось.

Александр — так называли его родители. Алекс — так коротко звали его друзья. Алекс так Алекс — он не возражал. Алекс защитил кандидатскую по биологии, но степень не спасла. Он работал инженером-биологом, научным сотрудником в институте, где приборы старше сотрудников, а зарплаты хватало только на коммуналку и еду. Всё остальное он зарабатывал потихому — тем, что умел чувствовать людей и помогать им.

Ещё в юности его тянуло к необычному. Прочитав Беляева, «Голову профессора Доуэля», он понял, что его путь связан с биологией. Он ходил на лекции психологов, которые в те годы, почти подпольно, пытались говорить о скрытых возможностях человека. Тогда, в стране социалистического реализма, нельзя было найти популярную литературу о том, что позже назовут биоэнергетикой. Но ему повезло: он наткнулся на книгу Владимира Леви «Искусство быть собой». Из неё он впервые узнал об аутотренинге и, начав заниматься, с удивлением понял: организмом можно управлять.

К концу восьмидесятых, когда начался развал, вокруг появилось множество шарлатанов — они называли себя «магами» и «экстрасенсами», дурили доверчивых, брали деньги за обещания. Но среди них попадались настоящие мастера, единицы, способные чувствовать тонкие процессы.

Алексу повезло встретить одного из таких.

После распада многих учреждений на улицах оказалось немало людей из бывших закрытых институтов — инженеры, психологи, специалисты по особой подготовке. Среди них были и те, кто владел методиками работы с телом, дыханием, вниманием. Знанием, не предназначенным для широкой публики. Несколько таких специалистов организовали школу при одном из домов культуры и начали преподавать. Курсы оказались платные и длились целый год.

Алекс записался. Он оставался по своим взглядам реалистом и не верил во всё потустороннее, хотя допускал, что далеко ещё не всё исследовано. Информации было так много, и она была настолько необычной и фантастичной, что напрашивался вопрос:

— Если я буду верить во всё это и пытаться применять, не буду ли выглядеть как городской сумасшедший?

Он поделился с преподавателем своими сомнениями. Преподаватель внимательно на него посмотрел.

— Учитель приходит тогда, когда ученик готов. Поживи с этим и потом сам всё поймёшь.

Никогда прежде он не испытывал такого удовольствия от учёбы. Из двадцати слушателей осталось двенадцать — те, кого объединяло одно: жажда понять, как устроен человек.

Так он впервые прикоснулся к неизведанному.

Он научился управлять внутренней энергией, чувствовать руками, как по тонким токам в теле течёт жизнь. Руки стали для него инструментом, способом слышать другого. К нему приходили с бессонницей, болью, тревогой. Он не обещал чудес и не называл себя целителем — говорил просто:

— Я могу попробовать.

В институте об этом знали двое. Один шутил. Другой молчал.

Алекс был крепким, без показной силы. Каждое утро — растяжка, дыхание, несколько движений из айкидо. Его интересовало не как ударить, а как сохранить равновесие, когда всё вокруг рушится. Он просто искал, как работает организм.

Иногда вечером он садился у окна. Не для медитации — просто потому, что так легче думать. За стеклом шумел город, но внутри возникало странное чувство: будто где-то рядом существует нечто, что ждёт — не молитвы, не поклонения, а прикосновения.

Он сам не знал, зачем это ему нужно. Просто чувствовал: так должно быть.

Глава 2. Осень.

Поездка в Карелию. Шунгит

Он любил петербургскую осень — особенно ту короткую пору, когда воздух прозрачен и сух, а листья ещё держатся на ветках, золотятся на солнце. В эти дни город будто дышал мягче, улицы звучали тише, и сама природа звала человека замедлиться, прислушаться к себе.

Он решил не упустить это время. Возникло желание — не просто пройтись по паркам, а выехать за город, туда, где когда-то в юности уже бывал, — к ладожским шхерам. Тогда всё было иначе: палатка, костёр, ветер с воды, смех друзей. Теперь — другие годы, другое состояние, но в душе вспыхнула тихая уверенность: надо поехать. Не ради воспоминаний — просто чтобы провести время с пользой, как он сказал сам себе.

Он выбрал экскурсионный маршрут, состоявший из трёх частей.

Сначала — старая деревянная церковь на берегу, тёмная, смолистая, с покосившейся колокольней и запахом сырого дерева.

Потом — главное: древний гранитный карьер, тот самый, откуда Монферран брал камень для колонн Исаакиевского собора. Когда-то здесь породу взрывали, откалывая блоки. Камень трескался, ломался, и потому архитектор жил неподалёку всю зиму — следил, чтобы добывали аккуратно, чтобы не испортить цельные глыбы.

Теперь карьер затоплен водой. Огромная чаша, уходящая террасами вниз, словно амфитеатр. Вода — зелёно-синяя, неподвижная, прозрачная. По уступам ходят туристы, проложены деревянные мостки, натянуты канатные переправы. Скалы гладкие, серо-розовые, с прожилками кварца. Красота такая, что слова теряют смысл.

После карьера автобус шёл дальше — к Сортавале. Оттуда — катер по ладожским шхерам. Сотни, может, тысячи островов — каменные спины, покрытые соснами, мхом, ягодником. Ветер солоноватый, чайки крикливы, свет падает косо, а вода темна и загадочна. Всё это казалось частью другой реальности — спокойной, чистой, первозданной.

Потом — рыночная площадь у станции.

Длинные столы, застеленные клеёнкой. На них — грибы, брусника, черника, морошка в банках, сушёная рыба, вяленое мясо. Уха на сливках — густая, белёсая, с дымком. Всё просто и удивительно вкусно.

И там же — шунгит. Плоские куски — иногда гладкие, иногда грубые. На бумажках — по одному камню. Продавцы говорили про его лечебные свойства, про воду, которую он очищает, про боль, которую снимает. Кто верил, кто смеялся — но покупали многие.

Он тоже купил. Не из суеверия — скорее по внутренней необходимости.

Дома у него лежал один такой камень, привезённый когда-то давно. Маленький, почти гладкий. Алекс иногда доставал его из ящика стола и держал в ладони. Никакого чуда не происходило — просто появлялось странное чувство: тихая грусть, будто память о чём-то очень далёком, что невозможно вспомнить, но можно почувствовать. И вместе с грустью приходил покой.

Большинство других кусочков он когда-то раздал — друзьям, случайным знакомым. Остался один — самый первый.

Теперь он решил пополнить коллекцию. Но не ради украшения и не как сувенир. Скорее — чтобы отдать одному своему знакомому физику, человеку с лабораторией и живым любопытством исследователя. Пусть проверит: что это такое? Есть ли в этом камне что-то настоящее или всё — только легенда и воображение?

Глава 3. Старые связи

Петербург. Конец 90-х. Бывший институт химической техники, ныне — частное производство. Вечер.

Коридор пах дешёвым линолеумом, сыростью старых стен и резиной инженерных перчаток. Алекс поднялся на второй этаж — туда, где раньше был отдел спецпроектов Министерства химической промышленности. Теперь тут частная фирма с вывеской, над которой висит старая облупленная табличка: «Лаборатория № 3».

У входа секретарша только подняла глаза.

— К Николаю Анатольевичу?

— Он ждёт, — спокойно кивнула она, даже не спросив пропуск.

Николай был другом детства, и Алекс всегда приходил к нему запросто.

Кабинет Николая — другой мир. Глубокие кожаные кресла. Тяжёлый тёмный стол — явно не из советского ДСП. На подоконнике — японский кактус в керамическом горшке. Пахло не лабораторной кислотой, а деревом, спиртом и дорогим табачным дымом.

Николай Анатольевич Степанский поднялся навстречу: высокий, чуть седой на висках, крепкий, глаза — серые, внимательные. В прошлом — кандидат наук, начальник лаборатории. Теперь — владелец фирмы, которая делает то же самое, только без министерских печатей и с настоящими деньгами.

— Алекс! Ну заходи, старый хрен, — обрадовался Николай.

Он достал из шкафа бутылку Jameson, плеснул в низкие стаканы — без льда и колы, по-мужски.

— О, — сказал Алекс, — Jameson.

— Ну а что, — усмехнулся Николай, — имеем право. Мы уже давно не пьём всё, что горит.

В этот момент дверь приоткрылась. На пороге появилась его жена — Ирина. Худощавая, с аккуратно собранными волосами, в тёмно-синем свитере. Психотерапевт. Спокойные глаза и лёгкая насмешка в уголках губ — как будто всё на свете она уже видела и ничему давно не удивляется.

— А-а... опять философствуете? — сказала она, скрестив руки.

— Ир, не мешай нам оздоравливаться, — лениво ответил Николай.

— Я только посмотрю, жив ли он ещё. — Ирина подошла к Алексу, улыбнулась чуть теплее. — Ну что, экстрасенс, лечить меня будешь или только виски поглощать?

— Не трогай его раньше времени, он по делу пришёл, — поднял бровь Николай.

Ирина махнула рукой, но перед тем, как выйти, бросила:

— Если будете звать — я внизу, в кабинете терапии.

Она ушла. Николай сел, медленно сделал глоток.

— Ну давай, рассказывай. Что за камень, что за физик и зачем вам комната?

Алекс рассказал. Про Андрея, про увольнение, про лабораторию, про шунгит. Николай слушал, кивая, не перебивая. Потом встал, достал из сейфа ключ — маленький, латунный, с трещиной на кольце.

— Есть один кабинет. На втором этаже, где раньше воздух на подложках анализировали. Теперь пустует. Можешь привести туда своего Андрея. Электричество есть. Вода есть. Никто к вам не полезет.

Пауза.

— Только смотри, Алекс... если там что-то серьёзное — предупреждай заранее. У меня крыша хорошая, но подводники тоже не любят сюрпризы.

Алекс кивнул.

— Ну всё, — Сказал Николай, выходя из-за стола. — Извини, сейчас у меня совещание.

Николай и Ирина были почти единственными близкими людьми Алекса. Николая он знал с детства: познакомились в маленьком приморском городе под Питером. Алекс жил там постоянно, а Коля с родителями снимал дачу. Мама у Коли — музыкант, отец — врач. Интеллигентная семья.

С первой женой у Николая не сложилось — оставил ей сына и дочь. Николай их не бросал, помогал.

Ирина, вторая жена, умная, насмешливая, часто давала дельные советы и была для Алекса «своим пацаном». Она любила подшучивать над ним, его целительством и рыбалкой, но он любил бывать у них в гостях — с ними всегда тепло и уютно.

Этим же вечером Алекс зашёл к ним домой — поблагодарить за лабораторию. Дома была только Ирина. Она вышла босиком, в простой домашней рубашке, волосы распущены; без ироничной маски, но в глазах — прежняя наблюдательность врача.

— Чаю? Или тебя уже достаточно согрел Jameson?

— Можно чайку, да, — сказал Алекс.

Она поставила чайник, вдруг посмотрела прямо:

— Ты всё ещё этим занимаешься? Энергия, ладони, тепло над кожей...

— Иногда. Людям помогает.

— М-м... — она улыбнулась. — Знаешь, почему это работает?

Алекс пожал плечами.

— Потому что ты веришь. И потому что человек напротив тебя хочет, чтобы это было правдой. Всё. Остальное — психофизиология и внушение, — сказала она не зло, почти ласково.

Чайник зашипел.

— Но, справедливости ради... — Ирина поставила чашки.

— Когда ты мне делал свой бесконтактный массаж, а потом водил руками вокруг головы, я действительно засыпала минуты на три без мыслей. Это дорогого стоит.

— Так, значит, работает?

— Для меня — да. Для науки — нет. Для души — иногда именно этого и достаточно.

Она присела рядом, прищурилась, будто видела сквозь него сразу всё — и смешное, и грустное.

— Ты странный, Алекс. Не умеешь жить ради денег, не умеешь быть циничным, как все. Но и святым не родился. Ты просто... такой. Между.

И вдруг тихо рассмеялась:

— И да... про рыбалку — правда. Фрейд бы подтвердил.

— Про что?

— Про удочку. Компенсация. Мужчина с длинной палкой, который пытается вытащить что-то из глубин бессознательного. Всё прозрачно.

— Ты это своим пациентам тоже рассказываешь?

— Только тем, кого не жалко.

Андрей Николаевич — кандидат наук, под шестьдесят, с мягким голосом и глазами, в которых всегда светился не праздный, а ищущий интерес, — был тем самым старым знакомым, ради которого Алекс хлопотал у Николая.

Когда-то они работали в одном институте, потом пути разошлись. Алекс знал: если кто и может взглянуть на шунгит без предвзятости, то именно он.

Он толкнул дверь без стука — так было всегда.

— Ты живой? — спросил он.

Андрей поднял голову от бумаг. Волосы растрёпаны, ворот рубашки распахнут. На столе — горелка, колба, винтовой микроскоп и пепельница, полная окурков.

— Как будто жив... — хмыкнул он. — Ну давай выпьем, что ли, раз уж явился. За знакомство — поздно, но за встречу — самый раз.

Он открыл ящик стола, достал портвейн «777», две тонкие лабораторные стопки и коробку шоколадных конфет «Белочка».

— Коньяка нет? — пошутил Алекс.

— Был. Выпили, когда заказ сдали. А портвейн — традиция, академическая, — Андрей налил тёмное густое вино. — Конфетку бери, какая-никакая, а закуска.

Выпили молча. Тепло растеклось по груди. Андрей достал «Беломор», вытянул папиросу, щёлкнул спичкой.

— Сейчас другой мир... — сказал он, выдыхая дым. — Спасибо тебе за помещение. Я, по сути, делаю всё то же самое... только уже почти как частник.

Алекс достал из кармана свёрток.

— Шунгит. Карелия. Хочу, чтобы ты посмотрел. Даже не ради эксперимента... просто есть ощущение, что в нём что-то есть.

— Что-то есть — в каждом камне, — тепло улыбнулся Андрей.

— Вопрос — что.

Он положил шунгит под лампу. Матовая поверхность будто втянула свет. Взял камень в ладонь, приподнял.

— Станный... На вид тяжёлый, а по ощущениям — лёгкий, почти невесомый. Как будто не совсем камень.

Повертел, постучал ногтем по грани.

— Углерод в такой форме — вещь непредсказуемая. Фуллерены, кластеры... иногда ведут себя как молекулярные капсулы. Могут хранить внутри заряд.

— Проверим спектрометром? — предложил он.

Прибор загудел. Пока Андрей настраивал частоту, Алекс вдруг ощутил, как меняется воздух: не ветер, не движение — плотность. Тишина стала ощутимой, как вода. Камень лежал неподвижно, но от него, казалось, шло едва заметное дрожание — не глазами, а кожей.

Андрей посмотрел на экран:

— Странно... Есть колебания, которых быть не должно. Не шум прибора, не ошибка. Как будто... что-то отвечает.

Он повторил измерение. Линии дрогнули, выровнялись, но ощущение напряжённой тишины осталось.

Алекс смотрел на камень. Тень от лампы будто сдвинулась — или показалось?

— Я заберу его пока, — сказал он. — Потом расскажешь, что получится.

— Конечно, — кивнул Андрей. — Только... такое чувство, что ты принёс не образец, а часть какой-то личной истории.

— Может быть, — усмехнулся Алекс.

Он вышел на улицу — вечер сгустился. Свет фонарей отражался в лужах, небо заволакивали тяжёлые тучи. Он шёл медленно, ощущая в ладони странное послевкусие — не тяжесть, а тёплую пустоту, будто камень всё ещё лежал там, хранил тепло лаборатории — и что-то ещё, чему пока нельзя дать имени.

Глава 4. Петербург. Поздний вечер

На третьем этаже старого корпуса горит свет в одном-единственном кабинете. Снег падает крупными мокрыми хлопьями. Пахнет пылью, застоявшимся теплом и перегретыми кабелями.

Молодой аналитик просматривает ленту научных запросов: руды, полимеры, радиационный фон...

Взгляд останавливается на строке:

«Санкт-Петербург. Лаборатория физико-химического анализа.

Объект: шунгит (карельский углерод).

Запрос: спектр фуллеренов, реакция на слабые электромагнитные поля».

Он моргает: слово «шунгит» почти не встречается. Вбивает в архив: «углерод / фуллерен / Карелия /».

Система выдаёт

«Материал К-17. Применение: фильтры противогазов, электропоглощение, очистка воды на военных объектах.

Статус: закрыто. Доступ ограничен до 2040 г.

— Чёрт... — выдохнул он и снимает трубку.

— Сергей Петрович? Появилось движение по К-17... да, Карелия.

Нет, не добыча. Лаборатория. Петербург, улица Балтийская. Фамилия: Андреев. Физик.

...

— Уточнить заказчика?

...

— Понял. Фиксируем. Никаких контактов. Только наблюдение.

Он нажал «отправить». На карте появилась маленькая красная точка.

Алекс зажёл настольную лампу, снял пальто. Положил камень на подоконник. Через минуту снова взял — в ладонь. Он делал так всегда: прежде чем понять вещь головой, слушал её рукой.

Шунгит был прохладный, матовый. Лежал точно в центре ладони — там, где сходятся тонкие токи, где на Востоке говорят: точка сердца. И вдруг кожа ощутила не тепло, не холод, а плотность — будто камень не касался ладони, а соединялся с ней невидимой нитью.

Странно... Он знал: некоторые чувствительные люди говорили — если держать самоцвет в этой точке ладони, он реагирует и может помутнеть. Не из-за магии, а из-за того, что кристалл отвечает на поле человека.

И сейчас с шунгитом происходило что-то похожее. Тихо. Неброско. Но — ошутимо. Тишина в комнате стала гуще. Городские звуки отошли куда-то в сторону. Камень лежал неподвижно, но под кожей ладони чувствовался медленный пульс — не тепло, не ток. Что-то третье. Как дыхание земли.

Алекс открыл глаза, положил шунгит обратно на подоконник. Всё мгновенно стало обычным: лампа, окно, вечер.

Но внутри осталась одна мысль — точнее, ощущение: что-то проснулось. И начало отвечать.

Глава 5. Фонд Парацельса

Юг Германии. Низкие облака лежали на склонах Альгойских холмов, как будто запутались в туманах и не хотели подниматься.

За старой лесопилкой, за рекой, где стояла водяная мельница XVI века, начинался закрытый участок земли. Никаких вывесок. Только кованые ворота и табличка: Privatbesitz. Kein Zugang.

Там и находился Фонд Парацельса.

Он не был ни университетом, ни музеем, ни тайным орденом. Скорее — тихим хранилищем всего странного, непонятного, вышедшего за рамки привычной науки.

Создан после войны группой врачей, химиков и архивистов — тех, кто считал, что не всё, что человек не понимает, нужно уничтожать или высмеивать. Некоторые вещи надо просто сохранить и дожидаться, пока человечество созреет.

Здание фонда — бывший монастырь, перестроенный в XIX веке в больницу. Толстые стены, узкие окна, запах бумаги, сухих трав и старого известкового камня.

Современность туда просочилась только частично: старые шкафы с карточками соседствовали с компьютерами IBM, но и те работали не всегда. Архив только начинали оцифровывать.

Фонд жил тихо. До тех пор, пока не пришёл сигнал из Петербурга.

На четвёртом этаже, в архивной комнате, горела одна настольная лампа. Доктор Мария Лаутнер сидела у окна, сняв очки и потирая переносицу. Было уже довольно поздно.

Худошавая, сорока с небольшим лет, волосы аккуратно заколоты в низкий пучок. Ничего необычного — если не смотреть в глаза. В них всегда светился усталый интерес. Как у людей, которые привыкли копаться в чужой памяти.

Её должность официально звучала скучно — архивист-аналитик. Неофициально — она была тем человеком, кто умел находить связь между документом XVI века, военной сводкой и электронным сигналом, пришедшим пять минут назад с сервера из Санкт-Петербурга.

Она вздохнула, собиралась уже уйти домой — к тёплому пледу и телевизору, — но компьютер тихо пикнул.

Всплыл запрос: №178F.

Объект: шунгит (карельский углерод).

Тема: анализ спектра фуллеренов; реакция на слабые поля.

Источник: Санкт-Петербург.

На экране мониторинга фоновых электромагнитных полей тонкая полоса дёрнулась и выпрямилась в стабильный гребень — 7,83 Гц. Не буря, не ионосфера: огибающая «дышит» с интервалом в несколько секунд.

Локация — Петербург, ±5 км, — отметила про себя Мария.

— Это не природа.

Мария приподнялась. Слово «шунгит» — старое знакомство. В 80-х оно вспыхивало в досье редко, но весомо — как слово, пришедшее не из геологии, а из события.

Она подошла к соседнему столу, где стоял старый терминал с потёртой клавиатурой.

— Введите код. Раздел «военные архивы».

Мария набрала последовательность.

На экране вспыхнула заставка Министерства обороны СССР и гриф: «Совершенно секретно. Только для внутреннего пользования».

Файл открылся медленно, словно через сопротивление, и выдал первые строки.

ОТЧЁТ № 4-K17/88

Испытательный полигон «Север-17».

Дата: 18 июня 1988 года.

Тема: авария при запуске изделия Р-30.

В 22:47 по местному времени произошёл несанкционированный взрыв при заправке ракеты окислителем.

Погибло 212 человек, включая командира полигона генерал-майора Савельева.

Из персонала заправочного отсека — 37 человек — выжил один: техник-старшина Владимир К., находившийся в бетонном укрытии в момент взрыва.

По прибытии спасательной группы обнаружено: укрытие полностью выжжено, температура в эпицентре превышала 1200 °С. Все находившиеся в радиусе 200 м погибли.

Владимир К. найден под бетонным столом, в сознании, без ожогов и признаков радиационного поражения.

По его показаниям:

«Я увидел вспышку, лёг под стол и представил, что жар до меня не дойдёт... будто вокруг меня что-то закрылось».

В ходе медицинского осмотра — отклонений не выявлено.

Противогаз исследован, в фильтрующем блоке обнаружены частицы углеродного происхождения.

Анализ показал структуру, отличную от активированного угля.

Определено: шунгит, Карелия.

Материал передан в НИИ-27 для дальнейшего изучения.

Резолюция:

«Феномен признан не поддающимся объяснению. Материал и все данные засекретить. Доступ ограничить. Архивировать под кодом К-17.»

Тишина. Мария откинулась на спинку стула. На мониторе медленно гасли строки отчёта, будто уходили в темноту.

— Они ничего не поняли, — тихо сказала она. — Ни тогда, ни потом.

Мария закрыла файл, открыла другой — уже внутренний, с пометкой «Paracelsus – Notunculus – miscellanea». Факсимиле латыни, перевод на немецкий: «не демон, не ангел — нечто между». Пыль веков и спокойная уверенность руки, которая записывала не догмы, а наблюдения.

Она подождала, пока всё это ляжет рядом: советская «служебка», карточки по «К-17», заметки Парацельса о связях материи и «формы, посланной волей».

И только потом нажала внутреннюю кнопку:

— Вызвать: Вайс.

Через несколько минут в архив вошёл Генрих Вайс.

Высокий, сухощавый, волосы седые, зачёсаны назад. В тёмном свитере, без галстука. Без суеты, без лишних разговоров — из тех людей, с которыми почему-то сразу становилось спокойнее.

— Покажите наложение, — сказал он, даже не садясь.

На экране мониторинга фоновых электромагнитных полей тонкая полоса дёрнулась и выпрямилась в стабильный гребень — 7,83 Гц. Не буря, не ионосфера: огибающая «дышит» с интервалом в несколько секунд.

— Совпадение фаз 0,62. Локация — Петербург, ± 5 км, — сказала Мария.

На экране появляется спектр «питерского» запроса и поверх — реперные частоты. Тонкая линия в районе 7,8 Гц едва ощутимо подрагивает.

— Это не фон, — тихо констатировал Вайс. — И не имитация.

Мария кивнула.

— Питер, лаборатория. Не добыча, не карьеры. Запрос на фуллерены. И — на реакцию на слабые поля.

— Шунгит? — уточнил Вайс.

— Шунгит, — подтвердила она и, почти не глядя, положила на стол конверт с микрофильмом. — Ещё вот это.

Вайс читает «служебку», листает до приложений, отмечает ногтем строки про «К-17». Задумывается у фразы «причина выживания не установлена». Его палец возвращается к словам «карбоновая матрица с инородными включениями».

— Мы столько лет видим след, — сказал он. — Но не видим шага.

В архив вошёл директор фонда — Рудольф Кляйн. Его редко видели в архивах. Он не любил пыль и бумагу, предпочитал цифры, отчёты и контракты с университетами. Но, когда он вошёл, в комнате стало тише.

— Что у нас? — коротко спросил он.

Мария докладывает кратко: объект, источник, совпадение, архив. Вайс добавляет только одно:

— Сигнал устойчивый, узкий, «земной». Есть смысл смотреть на месте.

— Согласен. Поезжайте. «Работать скрытно», — сказал Кляйн. — Никаких контактов, если не придётся. Мария — ведёте. Безопасность — Краус. Согласования — на мне.

Он поставил подпись в распоряжении и исчез так же быстро, как пришёл.

Отдел безопасности всегда слегка пах машинным маслом. Отто Краус — сухой, коренастый, взгляд из-под бровей — слушал на ходу. Для него слова «Петербург», «шунгит», «архив» — не роман, а логистика и риски.

— Легенда? — спросил он.

— Университетская группа, — ответила Мария. — Материаловедение, межвузовское сотрудничество. Мы не претендуем, мы смотрим.

— Хорошо. Машина утром. Документы через сорок минут. Оружие — только скрытое. Контакты — ноль.

— Иногда не мы ищем ответ, — вдруг сказал Вайс, стоя у окна. — Иногда вопрос ищет нас.

Мария не ответила. Она просто закрыла ноутбук, и комната погрузилась в мягкий полумрак.

— Значит завтра едете, — резюмировал Вайс.

— Уже сегодня, — подтвердил Краус взглянув на часы.

Во дворе ветер колышет ветви каштана. В сером небе Альгоя бледнеет полоска света.

Мария ещё раз мысленно проговорила: Петербург. Лаборатория. Шунгит. И почему-то вспомнила строчку из «служебки»: «причина не установлена».

Глава 6. Резонанс

Поздний вечер. Петербург. Телефон зазвонил почти в полночь. Алекс уже собирался ложиться, но, услышав знакомый голос, сразу понял, кто это.

— Алекс, это я... Андрей. Приезжай. Камня у меня нет — ты его забрал, — голос звучал устало, но возбуждённо. — Но, чёрт побери, он всё равно здесь. В данных. Приезжай, я покажу.

Лаборатория встречала всё тем же запахом пыли, старого спирта и гари от паяльника. Осциллограф мерцал зелёным глазом на столе, рядом — спектрометр, тихо постукивал охлаждающий вентилятор. Андрей стоял у прибора, небритый, глаза покрасневшие.

— Я весь вечер сидел, — сказал он, не оборачиваясь. — Просматривал записи со спектрометра. Помнишь, когда ты был, я запускал его на фоне? Так вот, я решил прогнать сигнал заново через анализатор частот. И знаешь, что я увидел?

Он кивнул на экран. Тонкая зелёная линия осциллограммы дрожала, как живая.

И в этой дрожи отчётливо пульсировала волна — равномерная, мягкая, будто дыхание.

— Семь и восемь десятых герца, — сказал Андрей. — Я трижды перепроверил. Это частота резонанса Шумана.

— Чего? — не понял Алекс.

— Это глобальные колебания магнитосферы Земли. Их фиксируют станции по всему миру. Ни один камень, ни одно вещество не должно излучать такую частоту. Она принадлежит планете.

Он повернулся к Алексу, глаза блестели.

— Понимаешь? Когда ты держал его, прибор зарегистрировал всплеск именно на этой частоте. Не шум, не фон. Резонанс. Я отключил камень, убрал из поля — сигнал пропал. Потом, через минуту, включил прибор снова — и он вернулся. Как будто источник остался... в поле. В пространстве.

— Или в тебе, — тихо сказал Алекс.

Андрей вздохнул.

— Вот именно. Если бы я верил во всё это — сказал бы, что камень синхронизировался с человеком. Но это... — он потер переносицу, — это невозможно.

Алекс подошёл к столу. Экран мерцал ровно, пульсируя слабым светом.

Он посмотрел — и вдруг ощутил, что частота, этот ритм, совпадает с чем-то внутри него самого. Нечто знакомое, едва ощутимое, как биение крови в висках.

— Может, это не он, — сказал он. — Может, это Земля отвечает.

— Земля? — усмехнулся Андрей. — Ты хоть понимаешь, что говоришь?

— Понимаю. Просто не знаю, как это доказать.

Молчание повисло между ними. Только тихий писк прибора заполнял комнату. Андрей выключил осциллограф. Экран потух, и вместе с ним будто исчезла невидимая вибрация.

— Ладно, — сказал он устало. — Я сохраню записи. Утром попробую сделать повтор. Если частота появится снова — значит, она не в камне. Значит, она в нас.

Когда Алекс вышел из лаборатории, снег уже ложился на асфальт тонкой коркой. Он остановился у дверей, сжал в ладони карман пальто — там, где лежал шунгит.

Камень был холоден, но странным образом тёплый внутри. И где-то глубоко — в теле, в груди, в самой тишине ночи — звучал ровный, невидимый ритм:

семь целых восемь десятых.

Ночь. Квартира Алекса. Камень лежал на столе. Он не светился, не двигался — просто присутствовал.

Алекс сидел на табурете, руки на коленях, дыхание ровное — то, чему его когда-то учили. И вдруг возникло ощущение, которое он не мог назвать. Не зрение. Не слух. Скорее — как если в пустой комнате вдруг появляется ещё кто-то, но он не двигается, не дышит, просто есть.

Тишина стала глубже. Лампочка тихо потрескивала от нагрева. За стеной кто-то включил воду. Но всё это — далеко.

А вот рядом — присутствие.

Камень оставался холодным. Но в центре ладони — будто внутренняя пульсация. Как память о сердцебиении, но не его.

Алекс машинально произнёс:

— Кто ты...

Ответа не было. Но стало ясно: вопрос услышан.

Он резко выдохнул и прошёлся по комнате, пытаясь вернуть привычное. Открыл окно — снег, жёлтый свет фонаря, шум трамвая. Всё нормально. Мир оставался на месте. Но ощущение ушло не полностью.

Где-то глубоко — словно лёгкое касание на внутренней стороне сознания продолжало звучать:

Я здесь.

И ещё — тихое, почти неуловимое:

И ты тоже меня нашёл.

Алекс облокотился на подоконник. Внутри не было страха. Было чувство — всё началось. Он не знал, что всё это уже когда-то случилось. За пять веков до него. В другом городе. С другим человеком. Парацельсом.

Глава 7. Город

Он ехал один. Лошадь шла нехотя по промёрзлой дороге, и каждый удар копыта отдавался в пояснице тупой, но привычной болью.

Плащ был тёплым, но стёртым; мех на вороте давно вытерся до кожи. Мороз вползал под полы одежды, но он не замечал — мысли согревали сильнее. В сером рассветном небе ещё не было солнца. Только тонкий дым от утренних печей и редкие вороньи крики. Он не знал, сколько часов в дороге — три или тридцать. Счёт времени растворился, как пар над лошадиной мордой.

Его лицо нельзя было назвать ни молодым, ни старым — усталым. Высокий лоб, редящие светлые волосы, тяжёлые веки, под которыми глаза — странные: не мягкие, как у священников, и не жёсткие, как у солдат, а будто постоянно всматривающиеся внутрь мира.

Theophrastus Bombastus von Hohenheim.

Так о нём пишут в латинских дипломах.

Парацельс — как называют его за спиной. Врач, алхимик, нарушитель клятв и традиций. Тот, кто лечит больных словом и огнём. Тот, кого выгоняют из городов, но потом снова зовут, когда приходит чума.

Последние недели его не отпускает один образ: сосуд. В стеклянной колбе, в смеси крови, земли, трав и чего-то ещё — шевелится нечто. Почти живое. Почти человеческое.

И голос из глубины: «*Non daemon... non angelus...*» — *не демон, не ангел...*

Впереди, за полосой утреннего тумана, из земли поднялись стены.

Нюрнберг — *Freie Reichsstadt*

свободный имперский город.

1529 год

Он остановил лошадь на пригорке. Перед ним дышал утренним паром город. Город ремесла и счёта. Город, где люди любят порядок больше, чем истину.

Но, может быть, им нужен врач. Или алхимик. Или никто...

Серо-коричневые крыши, стены, башни. Узкий дым над каминами. Над всем — крепость, как ладонь сверху: Кайзербург. Всё как везде.

Над воротами медленно качался герб. С башни смотрел стражник, кутаясь в овчину.

— Имя? — спросил он.

— Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм. Врач. Путник.

Так он вошёл.

Ранние торговцы стояли в очереди: телеги с мукой, человек с корзиной живой птицы, монастырский посыльный. Никто его особенно не замечал. Одиноким всадник — таких много.

Когда створки медленно открылись, он въехал в город вместе с остальными. Под копытами — мокрый булыжник, от которого поднимался запах камня, прелой соломы и навоза. Улицы были узкими, дома с перекрёщёнными деревянными балками стояли вплотную — как будто город сжимал плечи, чтобы сохранить тепло.

Над рекой Пегниц уже разбирали доски рыночных лотков. Маленькая девочка рассыпала зерно голубям, пока мать спорила с мясником. Где-то стучали молотки — ремесленники открывали мастерские.

Жизнь. Простая. Повторяющаяся. Как пульс.

Парацельс снял шапку и медленно провёл пальцами по лбу. Он чувствовал усталость — не телом, а чем-то глубже. Но вместе с ней — тихое, упрямое чувство: сюда он приехал не зря.

Он остановился у таверны «Zum Goldenen Lamm». Владелец посмотрел на него сдержанно — быстро оценил одежду, сапоги, меч или его отсутствие.

— Путник? — спросил трактирщик, не отвлекаясь от кастрюли.

— Врач, — ответил Парацельс. Его голос был сух, как бумага. В нём не осталось ни тепла ни раздражения, только усталость.

— Ночлег и еда.

Внутри стояла духота. Пахло жареным мясом, пивом, воском и человеческим дыханием. Таверна казалась небольшой, с низкими потолками и тяжёлыми столами. За одним из столов сидели двое: старый торговец, листавший счёт, и молодой мужчина в потёртом плаще, с глазами, которые не были открытыми, но и не были пустыми. Они смотрели сквозь.

Парацельс заметил этого человека не сразу, а затем взглянул на него так, что тот почувствовал на себе пристальный, почти оценивающий, взгляд.

Мужчина в плаще вскинул голову и улыбнулся. Улыбка не дошла до глаз. В ней сквозило что-то скользкое, как лента. Парацельс заметил, как его рука, небрежно лежавшая на столе, коротко дёрнулась — будто почувствовала присутствие какого-то предмета, спрятанного под одеждой.

— Бывший монах? — подумал Парацельс. — Он словно тень, которая знает, куда ведут двери.

— Селиться будете надолго? — спросил тот, и его голос стал тих, как шаг по лестнице подвала.

— Я могу показать подвалы. Есть места с уединением... на год вперёд, если вам необходимо.

Парацельс не сказал «да» и не сказал «нет». Ответ состоял в том, что он снял шляпу и оставил на столе немного монет: не больше, чем нужно, и не меньше, чем требовали местные правила.

Комната оказалась узкой, с маленьким окном. Стол, скамья, кувшин с водой. Он поставил на стол кожаную сумку. Откинул крышку. Внутри — книги, рукописи, стеклянные флаконы, бережно обмотанные тканью. И тонкая колба, запечатанная воском.

Он коснулся её пальцами. Она была холодной.

«Ещё немного. Мне нужен покой. Стол. Тишина. И огонь».

Он сел на кровать, не снимая плаща. Закрыв глаза. И услышал — как далеко, под стенами города, гулко бьёт колокол. Один. Второй. Утренний. Для молитвы. Для начала торгов. Для напоминания: время идёт.

Он открыл глаза и шепнул — не молитву, но почти:

— *Non in nomine gloriae... sed veritatis.* Не во имя славы. Во имя истины.

И город принял его. Или сделал вид.

Парацельс проснулся ещё до рассвета. Ночью он почти не спал. Таверна была тёплой, но не его. Слишком много голосов за стеной, слишком много чужого дыхания, слишком мало воздуха, в котором можно думать.

Он вышел на улицу, когда город только протягивал суставы после ночи. Камни под ногами холодные, как вода. Редкие прохожие сторонились его, не узнавая, но сразу чувствуя что-то настораживающее — или непривычное.

Парацельс шёл долго, пока не оказался у церкви святого Себальда. Старые стены стояли густо, как молитва, повторённая слишком много раз. Где-то рядом звонила мастерская; пахло углём, квасом и сырым деревом.

Он остановился у дома Дюрера.

Мастер скончался всего год назад — город ещё хранил его дыхание, как сухая доска хранит тепло руки. В окнах оставались темными, но казалось, что, если тихо постучать, наверху шевельнётся кисть или скрипнет рама станка.

Парацельс почти не знал его работ, но почувствовал то, что чувствуют мастера, проходя мимо места, где жил другой мастер: здесь когда-то думали о мире так глубоко, что этого следа уже не стереть. Это место знало пропорции тела и тайны рисунка; его фасад говорил о человеке, который считал линии так же, как кто-то считает пульс.

Он редко выбирал место по виду, но всегда — по дыханию. И это место дышало так, как ему хотелось. Он снял рядом небольшой дом — с покатой крышей, двумя окнами, подвалом, скрипучей лестницей и маленькой комнатой наверху, куда ложился косой свет.

Ему нужен стол. Тишина. И огонь. Теперь у него всё это было.

Парацельс решил пройтись по городу, пока рассвет окончательно не проснулся. Город входил в утреннюю жизнь не шумом, не спешкой, а плотной тишиной, в которой слышалось, как тают ночные испарения над камнем улиц.

Прямо, через площадь, на холме, между туманом и небом выростала крепость — Кайзербург. Башни, флаг, огромное серое тело, словно вросшее в скалу. Парацельс остановился у перекрёстка, снял перчатку и провёл рукой по тёмному камню стены. Камень был холодным, чуть влажным.

«Здесь всё дышит — и камень тоже. Только не каждый умеет слышать», — подумал он.

Он поднял воротник и пошёл дальше. Нюрнберг не принимал гостей театрально. Он встречал их привычно: запахом тёплой муки, дымком обязательных очагов, сырыми тенями подземных рек. По обе стороны улиц стояли дома с наружными балками и закрытыми ставнями. Под каждым домом — свои подземные истории: чуланы, склады, длинные ходы для пива и хранения продуктов. Холод этих подвалов чувствовался даже на мостах над Пегницем: тянуло сыростью, и казалось, что камень дышит вместе с рекой.

Рыночные лавочники только раскладывали товар. Кто-то стаскивал бочки с красным пивом — густым, сладковатым, с хлебным тягучим запахом. Пивоварни требовали холода, и город решал это сетью подземных тоннелей, куда загоняли воду для естественной фильтрации. Эти тоннели были частью ремесленной смекалки — необходимой, как хлеб и огонь.

На улицах говорили о *Lebensmittelordnungen* — законах хранения продуктов — и наказаниях за обман.

Булочника, пойманного на неверном весе хлеба, сажали в деревянную клетку, подвешенную на коромысле, и многократно опускали в холодную воду. Скандалисток приковывали лицом к лицу к позорной колодке и вели через рынок — на посмешище округе.

Эти наказания были не легендой, а частью городского устройства: так Нюрнберг удерживал порядок и доверие к ремеслу.

Мимо проходили люди: парочки, торговцы, подмастерья. Откуда-то долетал стук резака — уже готовили изделия.

В одном углу рынка стоял старый дом палача: стены хранили запах смолы, металла и крови. Люди рассказывали друг другу истории о ночных убийцах; эти истории были не сенсацией, а предупреждением — фоном, на котором воспитывалась внимательность города.

К вечеру, когда город устал и стих, Парацельс вернулся в свой дом.

На столе лежала колба в кожаном футляре. Он вынул её, посмотрел на тонкое стекло, запечатанное воском, и подумал. Не о хлебе. Не о крыше.

Выдержит ли Нюрнберг то, что он привёз с собой?

Жаркую идею — создать живое из мёртвого. Не в сказке, не в притче, не в легенде, а — в сосуде, из земли, крови и воли.

Во сне — тёмная капля вещества, в которой шевелится зародыш.

Наяву — ощущение, будто какой-то древний разум смотрит из глубины, ждёт, когда его позовут.

И внутри шевельнулась мысль — старая, как страх:

«Если я не смогу? Если эта попытка — как все прежние?»

Он лёг, но не спал: в груди теплела мысль о том, как соединить слово и соль, кровь и камень.

«Город старше многих королей... Но болезни у людей те же. И гордыня та же», — думал он.

Но будущее пахло железом, хлебом и неизвестностью.

И он вдруг понял — именно здесь он может завершить то, что начал. Создать нечто живое. Или умереть, пытаясь.

Он — Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм, прозванный Парацельсом. Врач, алхимик, изгнанник. Человек, чьи книги жгут на площадях — и к чьим рукам всё же приносят умирающих.

Первые дни в Нюрнберге прошли в густой, человеческой суете — той самой, в которой сплетается дыхание любого большого города, не монастырской, а земной, наполненной гулом улиц и запахами жизни. По утрам город просыпался шумом рынка:

— Свежий хлеб! Масло! Пиво к посту!

Воздух пах углём, дымом и прогорклым молоком. По булыжнику текла талая вода, на углах ворчали собаки, за окнами скрипели ставни — словно город сам раскрывал глаза.

Парацельс быстро понял, что Нюрнберг живёт не только на поверхности. Под лавками, под трактирами и домами тянулись низкие своды — подвалы, выложенные грубым камнем. В них хранили молоко, капусту, сыры, бочки с водой и пиво.

Чтобы держать постоянный холод, хозяева соединяли подвалы короткими проходами, так что под центром города возникла сеть — не огромная, но прочная, как паутина. Через эти своды проходили узкие ступенчатые канавки, по которым медленно текла вода. Они служили естественным фильтром: на дне оседала глина, муть, остатки дрожжей, и пиво становилось прозрачнее и чище.

Пивовары спускались туда рано утром с факелами. Они проверяли бочки, пробовали напиток, касались ладонью стен, чтобы понять, не завелась ли плесень. Под землёй было прохладно и тихо; слышалось только, как капает вода, как что-то тихо бродит, зреет.

Парацельс любил этот запах — сырости, солода и живого брожения. Он чувствовал: именно здесь, под камнем, ближе к земле, идёт настоящий обмен — как в теле человека: кровь и дыхание города.

В квартале между *Sebalduskirche* и крепостью стояла старая пивоварня — из тех, где ещё с прадедовских времён варили красное пиво, *Rotbier*.

Здание было низким, с тяжёлым, дымным потолком; пахло ячменём, влажной золой и мёдом. Пивовары трудились молча, с видом людей, совершающих не ремесло, а обряд: они проверяли температуру ладонью, слушали, как шипит сусло, и говорили, что хорошее пиво должно петь, а не кипеть.

Парацельс стоял в дверях и смотрел, как в медном котле густая масса медленно темнела.

— Почему красное? — спросил он.

Старший пивовар поднял глаза:

— Потому что рождается из огня.

Он зачерпнул деревянной ложкой пену, понюхал и добавил:

— Всё живое должно пройти через жар, чтобы стать чистым.

Парацельс запомнил эти слова. Он понял: перед ним — не просто ремесленник, а брат по тайне. Человек, который делает трансформацию видимой, материальной.

Пивовар продолжил:

— Не думай, господин, что мы тут варим как попало. С прошлого года совет издал новый *Ordnung über Speis und Trank* — порядок о пище и питье. Теперь и молочники, и мясники, и мы — все под присягой чистоты. В подвале не держи тухлое, не мешай воду с пивом, не лей в сусло ничего, кроме солода, хмеля и воды. А если поймают с гнилью — в Пегниц, с головой, прямо с моста.

Он усмехнулся — и в этой усмешке была гордость, почти монашеская. Пивовар снова размешал сусло и только после этого взглянул на Парацельса внимательнее — как смотрят на человека, который не просто спрашивает, а ищет.

— Вы не из Нюрнберга, — сказал он спокойно. — Это слышно по тому, как вы молчите. Местные молчат иначе.

Парацельс едва заметно улыбнулся:

— Путник. Врач. Немного — алхимик.

— «Немного», — повторил пивовар. — Люди, которые говорят «немного», приносят либо большую пользу, либо большие беды.

— Это зависит не от ремесла, — ответил Парацельс, — а от человека.

Пивовар наполнил кружку густым красным пивом и поднёс ему:

— Попробуйте. Если поймёте вкус — поймёте и Нюрнберг.

Парацельс сделал глоток. Пиво было плотным, почти хлебным, тёплым, с дымным привкусом очага.

— Хорошо, — сказал он. — Настоящее.

— Настоящее, но с секретом, — ответил пивовар. — У нас каждый мастер свой секрет хранит.

Он убрал кружку, опёрся на стол.

— Так вот... Врач. Если вы здесь, значит, ищете место. Или людей.

Парацельс кивнул:

— Мне нужен помощник. Надёжный. Способный. Не трусливый. И умеющий держать язык за зубами.

Пивовар тихо хмыкнул:

— В Нюрнберге таких немного. Город любит порядок и слухи одинаково. Но... иногда сюда приходят люди, которым больше некуда идти.

Парацельс ждал.

— Недавно был один, — сказал пивовар. — Молодой, молчаливый. Вёл себя... странно. Как будто смотрит не туда, где стоит. Вы бы поняли, если бы увидели. Глаза — будто через стену видит.

Парацельс чуть напрягся.

— Имя?

— Петер. Петер Нирс. Говорил, что раньше был монахом. Таких в монастырях не держат — у него взгляд... нехороший. Люди сторонятся. Но работает быстро. Будто под кожей у него два человека — один тёмный, другой светлый.

Парацельс слушал, не перебивая.

— Если хотите его найти, спросите в «Zum Goldenen Lamm». Он там иногда помогает. Не каждый день. Сядет в угол, будет смотреть в стену. Не пьёт много. Не смеётся. Но слушает всё.

Пивовар посмотрел прямо, испытующе:

— Только будьте осторожны, доктор. Таких людей либо приглашают... либо прогоняют. Посередине не бывает.

Парацельс поставил пустую кружку.

— Спасибо.

— За что? — удивился пивовар.

— За правду. И за предупреждение.

Он вышел в холодный воздух; дымное тепло осталось за спиной, как вторая кожа. Впереди его ждал человек, которого он ещё не знал — но которого город, кажется, уже боялся.

Глава 8. Поиск себя

Петербург. Ночь. Здание без вывески. Тот же кабинет.

Компьютер выдал повтор: «шунгит / электромагнитный отклик». Но теперь — ещё две точки: одна — Петербург, вторая — Германия, юг (координаты не точные — слишком слабый сигнал).

Молодой аналитик сидит, не мигая. Спрятал кофе, стучит пальцами по клавише Enter.

На экране: «Вероятность случайного совпадения: 0.003%. Рекомендация: доклад.»

Он поднимает трубку.

— Сергей Петрович... Да. Уже не только Питер. Карелия — слабый фон, возможно, природный. Но вот Германия...

— Германия — это кто? НАТО? Китайцы?

— Не знаю. Координаты уходят в горную местность. Без признаков военных объектов.

— Значит так, — голос в трубке стал сухим. — Питер — наблюдение. Карелия — опрос местных. По Германии — молчим. Но выясните, кто там есть. Академические обмены, лаборатории, секты — всё.

Экран погас. Красные точки в темноте остались перед глазами.

Алекс снимал небольшую квартиру на Васильевском — два окна во двор, серая штукатурка, трамвай звенит вдалеке. На столе — стопка тетрадей, чашка с недопитым чаем, рядом на сложенной ткани — шунгит, чёрный, матовый, без блеска.

Постучали.

— Да?

Алекс открыл. На пороге — молодая женщина с ребёнком и бабушка в тёмном платке. Ребёнок сопит, всхлипывает — устал от плача.

— Проходите, — Алекс отступил в сторону. — Кто вас направил?

— Марина... у неё дочка спать начала, как вы помогли, — говорит женщина. — Вы можете?

— Попробуем, — просто кивнул он.

На стол расстелили мягкое одеяло. Мама осторожно развернула пелёнку. Животик красный, кожа натянута, пупочная грыжа выпирает. Бабушка смотрит прямо, не отводя глаз, но ближе не подходит — остановилась у края стола.

— Лекарств нельзя, ещё совсем маленький, — тихо говорит мама. — Кричит по ночам.

— Ничего не обещаю, — отвечает Алекс. — Станет легче — хорошо. Нет — будем думать.

Он выдохнул, расслабил плечи. Правую ладонь поднял над пупком — не касаясь, сантиметра два-три. В центре ладони стало пощипывать, будто иголки осторожно тронули кожу изнутри. Покалывание перешло в ровное тепло — плотный тёплый столб, который уверенно «встал» между ладонью и телом ребёнка.

Ребёнок перестал всхлипывать. Вдох — длинный, спокойнее. Алекс держал внимание, никуда не торопясь, и тепло вошло глубже — как будто под ладонью расслабилась сама ткань. Краснота поблекла. Выпуклость мягко осела.

— Секунду, — сказал Алекс, не убирая руки. Ещё полминуты — тепло стало ровнее, покалывание ушло.

Он отстранил ладонь.

— Посмотрите.

Мама нагнулась, замерла. Бабушка перекрестилась машинально, как от удивления, а не от обряда.

— Пупочек ушёл внутрь, краснота спала... — выдохнула мама. — Он не плачет.

— Да, — кивнул Алекс. — Этого должно хватить. Если не вернётся — приходите больше не нужно. Если резко станет хуже — сразу звоните.

Женщина достала деньги — небрежно сложенные, слишком много.

— Возьмите, пожалуйста.

Он молча взял, убрал в конверт у книги. Спорить — значит ставить их в ещё более неловкое положение. На пороге мама обернулась:

— Спасибо. Правда.

— На здоровье.

Дверь закрылась. В квартире стало тихо — не мёртво, а густо, как после снегопада. Алекс опёрся ладонями о стол, посмотрел на правую руку: центр всё ещё чуть тянул — след тепла, как память о струе. Он перевёл взгляд на шунгит. Камень лежал так же, как и прежде — чёрный, немой. Но в комнате, казалось, изменился воздух — плотнее, собраннее.

— Это ты... усилил? — сказал он почти шёпотом, сам не зная, к кому обращается.

Ответа, конечно, не было. Только трамвай снова звякнул вдалеке, и где-то в батарее тихо щёлкнул металл.

Алекс сел, открыл тетрадь, записал коротко: «Пупочная грыжа. Один сеанс. Быстрый ответ. Ладонь — покалывание → тепловой столб. Не так, как раньше, намного сильнее.»

Положил ручку, ещё раз посмотрел на камень. Чувство было странное: как будто рядом стоит кто-то незаметный, не мешает, только ждёт, когда его позовут по-настоящему. Он закрыл тетрадь.

После того случая с ребёнком всё ещё могло остановиться. Алекс думал — совпадение, вспышка, редкий случай. Но через два дня пришли другие. Потом ещё. Они звонили поздно вечером, по чужим телефонам, иногда говорили неловко — «нам вот сказали», «вы... помогаете?».

Он никого не приглашал. Но и не отказывал.

Квартира обычная — двухкомнатная, на первом этаже старой кирпичной пятиэтажки, съёмная. В маленькой комнате — диван, книги, письменный стол. В большой — он поставил складную массажную койку, накрыл чистым пледом, рядом — стул для тех, кто ждёт. Камень лежал на подоконнике. Чёрный, матовый. Иногда он клал его в карман — просто чтобы был рядом. С ним работалось легче — это он уже почувствовал.

Первой после ребёнка пришлал женщина лет сорока. Бледная, уставшая.

— У меня... — она не знала, как это называется. — Всё внутри дрожит. Спать не могу. Врач говорит — нервное. Таблетки не помогают.

Он попросил встать. Закрыл глаза, провёл рукой вдоль её тела — не касаясь. В области солнечного сплетения почувствовал, как будто кто-то сжал кулак изнутри. Поле там было смятое, вогнутое.

Ладонь начала теплеть. Он привык к этому ощущению, но сейчас сила росла быстрее, чем раньше — будто что-то подталкивало изнутри, через кожу. Женщина вздрогнула. Через минуту её дыхание стало ровнее, плечи опустились.

— Это всё...? — спросила тихо.

— Пока да. Если вернётся — придёте ещё.

Она ушла. Через день привела соседку. Пошло.

Приходили разные: кто с мигренями, кто после инфаркта, кто с бессонницей или тревогой. Старики, матери с детьми, мужчины, которые сначала смотрели настороженно, а потом молчали и сидели тихо, пока он проводил рукой у них над грудью или спиной.

Он не обещал чудес и не ставил диагнозов. Делал своё — искал изломы в поле, сглаживал их. Иногда — пассы, как учила Джуна: вытянуть, перемешать, вернуть на место. Иногда — просто держать ладонь над больным местом, пока оно не оттаяет, как лёд в воде.

Деньги чаще оставляли сами. Он не отказывался. Сначала складывал в стопку книг, потом купил деревянную коробку, и деньги — туда. Несколько раз за вечер он останавливался, шёл на кухню, открывал кран и держал руки под холодной водой — сбрасывать чужую энергию. Иногда — просто дотрагивался до батареи.

С каждым днём ощущения становились сильнее. Камень в комнате будто дышал — еле-еле. И он стал слышать, как под кожей пальцев рождается дрожь — заранее, ещё до того, как к нему прикасалась чужая боль.

Он позвонил Андрею.

— Андрей, привет. Как дела? С тобой всё в порядке?

Пауза

— Ты знаешь... не совсем. Тут приходили двое. Вежливые. Спрашивали, кто ты, откуда камень. Я сказал — не знаю. Спросили — ты ли приносил его в лабораторию? Я сказал — ты. И что ты забрал его обратно. Всё. Откуда узнали, понятия не имею.

— И всё? — спросил Алекс.

— Пока. Алекс... будь осторожнее. Тобой слишком быстро заинтересовались. И это не те люди, которым важно здоровье детей.

После разговора он долго сидел в тишине. Лампа горела, камень лежал на подоконнике. За окном шёл снег. Ему вдруг показалось, что вся квартира — как поверхность воды. И от камня по этой воде расходятся круги. Медленно, но всё шире.

Он взял камень в ладонь. Чёрная поверхность была тёплой. Или это рука стала горячей.

— Что-то началось, — подумал он. — И уже не остановится.

Глава 9. Петер

Таверна «Золотой Агнец». Нюрнберг. Вечер.

Воздух пах дымом, кипящим пивом и мокрыми шкурами — люди входили с улицы, стряхивая холод и пар с плащей.

Парацельс протолкнулся к свободному столу у стены — там, где можно было сидеть спиной к каменной кладке. Привычка тех, кто многие годы провёл в дороге и слишком хорошо знал ночные пути. Он положил на стол кожаную сумку, в которой тихо звякнули стеклянные пузырьки, снял перчатки и размял пальцы.

К нему подошёл слуга — тот самый, которого он мельком заметил в ночь своего приезда.

Невысокий, жилистый, с лицом, которое трудно запомнить. Но глаза... слишком внимательные. Чуть настороженные — словно человек всё время прислушивается к невидимой угрозе.

— Чего изволите, господин? — голос мягкий, почти услужливый. Почти слишком.

Парацельс пригляделся.

Двигался слуга бесшумно — редкость среди тех, кто весь день носит кружки и тяжёлые кувшины. И осторожность в голосе была не рабской, а расчётливой — как у человека, который взвешивает каждое слово.

— Пиво и хлеб, — сказал Парацельс. — Если есть тёплое мясо — принесите.

— Будет сделано, господин, — слуга кивнул быстро и исчез в толпе.

Не простак, — отметил Парацельс. И что-то в нём...

Не зло — нет. Скорее, ощущение человека, стоящего на границе света и тени и не решающегося сделать шаг.

Слуга вернулся с кружкой и деревянным блюдом.

— У тебя лёгкая рука, — заметил Парацельс. — Не похож ты на обычного трактирного слугу.

Слуга на мгновение застыл — словно слова коснулись старой, болезненной царапины. Потом отвёл глаза.

— Я... раньше учился, господин, — тихо сказал он. — В монастыре. Да не довёл до конца.

— Почему ушёл?

Парацельс почувствовал, что человек решает — врать или говорить правду

И тот выбрал правду. Но такую, которая удобна прежде всего ему самому.

— Не ужился, — произнёс слуга. — Строго там. Тяжело. Я... ошибся. Женщина одна... — он резко умолк, будто смахнув внутреннюю тень.

— Но грамотный я. Латынь знаю. Травы тоже. Наставник говорил: «Глаз у тебя точный»

Улыбка у него вышла тусклой — как у человека, которому редко есть чем гордиться.

— А теперь кружки подаёшь? — спросил Парацельс.

Слуга пожал плечами.

— Лучше кружки, чем петля, господин.

Не жалоба — просто факт. Парацельс всмотрелся в него пристальнее. Да. Двойственность. В этом человеке жили две силы — светлая и серая. И серая была сильнее.

— Как твоё имя?

— Петер Нирс, господин.

— Если предложить тебе место по твоему умению? — спокойно спросил Парацельс. — В моей лекарской работе.

Нирс вздрогнул. Но не удивился — будто ждал этого, хоть и не смел надеяться. Он ответил не сразу.

— У вас?

— У меня.

В этой паузе Парацельс услышал многое: и алчность, и надежду, и хитрую благодарность — благодарность человека, который видит шанс зацепиться.

— Я был бы полезен, господин, — сказал Нирс. — Очень полезен. Я быстро учусь.

Парацельс встал.

— Завтра утром. У меня дома. Придешь — начнём.

Нирс поклонился чуть глубже, чем требовалось. И на мгновение в его глазах мелькнул блеск. Не злобный. Не угрожающий. Хищный. Как у человека, который хотя ещё не нашёл себе хозяина — но уже мечтает однажды им стать.

Парацельс открыл ставни — двор ещё пуст, только собака тянется в зевке у мясника напротив. Стук в дверь — едва слышный, нерешительный. Дверь приоткрылась.

Появился Нирс — в сером, сбитом дорожном плаще, с опущенными плечами, но глазами настороженного зверя. Он держал шапку в руках — скомканную, влажную.

— Господин доктор... Вы просили... — он не стал садиться, будто ожидая окрика.

— Просил, — Парацельс указал на табурет у стены. — Садись.

Нирс сел краешком, будто готовый в любую секунду вскочить. Некоторое время Парацельс просто смотрел на него. Нирс опустил глаза — под этим взглядом ему становилось неловко, хотя сам он давно никого не стеснялся.

— Скажи, Петер, — начал Парацельс ровным голосом, — ты когда-нибудь работал с лекарями? Не как больной. Как помощник.

— Да... — Нирс сглотнул. — В монастыре. Моей обязанностью было толочь травы. Порошки. Варить отвары. Я многое помню.

Он замолчал. То, чего не нужно было рассказывать, висело в воздухе — но Парацельс не стал давить.

— Ты умеешь читать на латыни? — спросил Парацельс без прелюдий.

— Стараюсь... помню кое-что. Буквы... молитвы... наставления аббата.

Он говорил тихо, но не раболепно — скорее осторожно, как человек, который примеряет каждое слово.

— Писать?

— Да... если не сложно. Почерк у меня... не самый дурной.

Парацельс взял с полки старую, обтрёпанную книгу, открыл на случайной странице и повернул к Нирсу.

— Прочитай.

Нирс подошёл ближе, неуверенно, как ученик в школе. Провёл пальцем по строке.

— “De virtute herbarum...” — начал он, — “и о силе трав, которые Бог создал для помощи человеку...”

Парацельс закрыл книгу.

— Достаточно.

Нирс выжидал. На лице — смесь надежды и скрываемого страха.

— Если хочешь работать здесь, — говорит Парацельс, — ответственность будет на мне. Поэтому я должен знать всё. Абсолютно всё.

Он смотрел прямо, без угрозы, но так, что отвести взгляд было невозможно. Нирс сглотнул.

— Вы хотите знать... почему я ушёл из монастыря.

— Я хочу знать, кто стоит рядом со мной.

Нирс медленно выдохнул. Плечи его чуть опустились — как будто он избавился от необходимости скрываться.

— Говорят... будто я... — он сжал пальцы. — Будто я тронул женщину, пришедшую за помощью к братии. И что она... умерла.

Он говорил ровно. Без раскаяния — но и без бахвальства.

— Кто-то верит, что я убил. Кто-то — что она сама... приболела. А настоятель решил, что лучше отправить меня прочь, чем поднимать шум.

Парацельс слушал внимательно. Ни отвращения, ни жалости — только холодное исследующее внимание.

— Тебя гнетёт это? — тихо спросил он.

Нирс слегка дёрнул щекой.

— Не знаю, господин доктор. Человеку... много приписывают. Но я... не святой. И не хочу притворяться.

— Но работать — могу. Помогать — тоже. Лучше, чем шататься от трактира к притону.

Он поднял голову, и впервые в его глазах мелькнуло что-то похожее на упрямство.

— Я не стану вам помехой.

Парацельс на мгновение задержал взгляд. Он видел в этом человеке многое сразу: грязь, страх, хитрость... и одновременно — странную, пронзительную жажду быть нужным. Таковую, что иногда толкала даже худших на служение.

— Мне нужен человек, который умеет работать руками, не ленится и не задаёт лишних вопросов. Я не обещаю тебе лёгкого места. Я не обещаю благодарности. Но работа будет. И пища. И крыша.

Нирс вскинул взгляд. Вот это — пища и крыша — зацепило его сильнее любых слов о медицине.

— Если захочешь остаться, — продолжал Парацельс, — жить будешь на чердаке. Там есть нары, печка и место для сундука. Тёплым назвать трудно, но от дождя укроет.

— Это... это лучше, чем... — Нирс осёкся.

Он не стал договаривать, что лучше любой канавы.

Парацельс посмотрел на него пристальнее:

— У тебя нет привычки воровать?

Нирс сглотнул. Ему показалось, что этот человек видит прошлое, как на ладони.

— Нет, господин доктор, — сказал он тихо. — Я... не возьму лишнего.

Парацельс встал, подошёл к полке и вынул небольшой кожаный кошель.

— Это — задаток за работу на неделю. Немного. Но честно.

Он положил кошель на стол. Нирс на секунду замер, словно боялся прикоснуться.

— И ещё одно, — Парацельс наклонился чуть ближе. — Ты будешь видеть людей, которым нужна помощь. А они будут видеть тебя. И тебе лучше помнить: я беру тебя как помощника, не как защитника и не как судью.

Нирс едва заметно шевельнул пальцами — то ли от холода, то ли от нервов.

— Я понял, господин доктор.

— Хорошо, Петер, — произнёс он наконец. — Попробуем.

Нирс тихо выдохнул. Почти неслышно.

— Что прикажете делать?

— Работать начнёшь сегодня. Начнём с простого. Подготовь стол и перебери вот эти травы. Посмотрим, как твои руки помнят школу монастыря. Потом — растирание порошков, отбор трав и приготовление настоев и мазей.

Парацельс откинул часть травяных свёртков, расчистив пространство стола, будто показывая — вот где теперь будут их общие заботы.

Нирс поклонился — коротко, почти военным жестом — и сразу взялся за работу. Движения его были осторожными, но умелыми. Он, как и многие, кто провёл юность в кельях, знал меру, порядок и тишину.

Парацельс наблюдал за ним несколько мгновений. Этот человек был опасен. И — полезен. Он понимал, что, взяв его к себе, он сделал шаг, последствия которого пока не мог предвидеть.

Парацельс отвернулся к окну.

— Посмотрим... посмотрим, кто ты такой, Петер Нирс.

Город только просыпался. И день обещал быть долгим.

Глава 10. Первые тени.

Прошло несколько недель после того случая с младенцем. Слухи об Алексе разошлись быстро — не громко, не газетами, а тихим, липким, деревенско-городским способом: «Есть один, руками лечит. Без шарлатанства. Реально помогает».

Сначала приходили обычные люди — бабушки, матери, рабочие. Но потом стали появляться совсем другие. Дорогие пальто, кожаные перчатки, ухоженные лица. Некоторые приезжали на машинах, останавливали их у подъезда, но старались не светиться.

Появились первые неплохие деньги. Он мог позволить себе перестроить одну комнату в его маленькой квартирке в кабинет для приёмов и купить туда хороший массажный стол, диван и пару стульев для посетителей. Рядом — на письменном столе — лежал шунгит. Просто как «камень».

Лечение

— Где болит? — спрашивал он спокойно.

— Да не болит... просто давит всё... я не могу спать... — говорила молодая женщина, нервно теребя перчатки.

Алекс просил её лечь, закрыть глаза. Он садился рядом, клал правую руку над солнечным сплетением — не касаясь тела — и слегка прищуривался. Покалывание в центре ладони приходило быстро — теперь почти мгновенно. Не как раньше — минутами, а за десять, пятнадцать секунд. Будто кто-то уже встречал его энергию. Женщина дышала тяжело, потом — тише, ровнее. Скулы расслабились. Через пару минут она уснула.

Алекс медленно вёл руками вдоль её тела — голова, грудь, живот, ноги — выравнивая ауру. Как учила Джуна: не давить, не «лечить», а дать организму возможность самому восстановиться.

Через двадцать минут она проснулась — с удивлением посмотрела в потолок.

— Что... всё? Я... заснула?

— Да. Всё в порядке. Вам просто нужно отдохнуть.

Она положила на стол деньги — крупную купюру.

— Если можно... я приду ещё.

После каждого сеанса Алекс обязательно шёл на кухню, открывал кран и долго держал руки под холодной водой. Потом — ладонями к чугунной батарее, чтобы «сбросить остатки чужого». Раньше он уставал. Сейчас — почти нет. Иногда даже ощущал избыток энергии, будто кто-то вливал в него силу изнутри.

Он всё чаще носил шунгит в кармане. И чувствовал: камень стал «откликаться». Как тёплая пульсация. Иногда — словно тихий зов.

Однажды вечером позвонили.

На пороге стояла красивая женщина лет тридцати пяти. Дорогая шубка, аккуратный макияж, холодные глаза.

— Мне вас рекомендовали. Очень просили не называть имени...

Он кивнул, впустил.

Она говорила тихо. Что у неё всё есть — деньги, дом, поездки, — но нет покоя. Муж изменяет, ночует не дома, она не ест, не спит.

— Если честно... я просто хочу перестать чувствовать боль.

Алекс помог. Сделал то же, что и с другими, — рука, тепло, покалывание, ровное дыхание. Она плакала без звука, но ушла спокойной. Оставила конверт. Внутри была крупная сумма. Очень крупная.

Алекса насторожил звук. Не один человек — несколько. Он подошёл, посмотрел в глазок. Двое мужчин. В пальто. Спокойные лица, но глаза — жёсткие.

— Здравствуй, Александр. Можно войти? Разговор серьёзный.

Он молча отступил.

Они прошли, осмотрели комнату, мебель.

— Ты парень толковый. Людям помогаешь. И всё бы хорошо... но ты же понимаешь — мир не бесплатный.

— Я никому ничего не должен.

— А вот тут ошибаешься. Помнишь такую... Ирину?

(Назвали имя той самой женщины.)

— Она сказала, что ты берёшь хорошо. Десятками тысяч. И что ходят к тебе и бедные, и богатые.

Пауза.

— Мы не против. Работай. Но теперь — 30 % с каждого. Или будет плохо.

Алекс почувствовал, как шунгит в кармане вдруг стал горячим. Не обжигал, но будто предупреждал. Он смотрел на этих людей. И впервые почувствовал не раздражение, не страх, а странное внутреннее спокойствие. Будто кто-то рядом тихо сказал: «Не бойся. Ты не один».

Они стояли в комнате свободно, как у себя дома. Один сел на подоконник, другой подошёл ближе, к столу, где лежал шунгит.

Пальцы чуть коснулись камня.

— Тяжёлый... чёрный. Что это вообще такое? Амулет?

Саша медленно сказал:

— Просто камень. Не трогайте.

Тот усмехнулся, не убрал руку. И именно в этот момент Саша почувствовал — как будто из камня вырвалась тонкая горячая струна и коснулась его груди. Не больно — скорее, как удар сердца, но чужого сердца. Камень будто... откликнулся. В голове — коротко, ясно: «Не бойся».

Мужчина снова:

— Значит, так. 30 процентов. Каждый день, с каждого клиента. Иначе...

Он не успел договорить.

Алекс не двигался. Только смотрел. И вдруг тот, что касался камня, резко отдернул руку, будто его кольнуло током.

— Эй! Ты что тут устро... — начал второй.

И остановился. Потому что воздух в комнате стал другим. Плотным, как перед грозой. Тишина зазвенела. Шторы дрогнули, хотя окна были закрыты. Мужчины невольно переглянулись. Алекс всё ещё сидел на стуле. Но ладонь его медленно приподнялась — не угрожающе, а будто он отталкивал воздух. У того, что стоял ближе, внезапно ослабли колени. Он схватился за подлокотник кресла. Дыхание стало тяжёлым, сердце сильно сдавило. Он побледнел.

— Эй... хватит, что ты делаешь?..

— Ничего, — тихо сказал Алекс. — Просто уходите.

Первый, тот, что трогал камень, потянул друга за рукав:

— Пошли... Пошли!

Они вышли быстро, не оглядываясь. Дверь закрылась неожиданно тихо.

Тишина. Только тиканье дешёвых настенных часов. Алекс сидел неподвижно, тяжело дыша. Лоб был холодный. На ладони ещё ощущалось жжение — как будто камень оставил след. Он достал шунгит из кармана. Тепло. Словно живой.

И вдруг — короткая вспышка. Не глазами — внутри.

Гробовая тишина. Каменная комната. Мерцающие свечи. Старик, склонённый над чёрным камнем, который лежал на алтаре. Пальцы в крови. И тихий шёпот:

«*Si evigilat, non revocabitur...*»

(Если пробудится — вернуть невозможно...)

Алекс резко втянул воздух. Видение исчезло. Он сидел долго. Потом поднялся, подошёл к окну. Снаружи темнело, фонари зажигались один за другим. Он впервые понял: теперь всё изменилось. Вернуться в прежнюю жизнь? Он уже не хотел.

Глава 11. Иероним Фогель

День у Себальда начинался туманом. С Пегница поднимался влажный пар. Колокол церкви ударил семь раз, и звук скользнул по черепичным крышам, смешиваясь с кашлем дворян во дворах.

В дверь постучали — коротко, настойчиво. Парацельс оторвался от записей. На столе лежали раскрытая тетрадь, ступка с истёртыми травами, два пузырька и узкий стеклянный флакон в кожаном футляре.

— Входите.

Дверь распахнулась. На пороге стоял мужчина лет пятидесяти: худой, аккуратный, с усталым лицом и длинными пальцами, испачканными чернилами. На груди — маленький серебряный знак Нюрнберга.

— Доктор Теофраст фон Гогенгейм? — уточнил он.

— Да. А вы?

— Иероним Фогель. Городской врач при госпитале Святого Духа.

Он поклонился чуть ниже, чем требовала его должность. Имя «Парацельс» он произнёс осторожно — будто пробуя вкус спорного лекарства.

— Я слышал о вас, господин доктор.

— Слышать можно разное, — сухо ответил Парацельс.

— Чем обязан вашему визиту?

Фогель помедлил — выбирая слова, как хирург выбирает, куда ставить первое рассечение.

— У меня больной. Мальчик. Десяти лет. Сын резчика по дереву. Уже четвёртый день лихорадка. Мы сделали всё, что положено: кровопускание, пиявки, уксусные обтирания. Дыхание плохое. Сердце... — он сжал пальцы. — Если к вечеру не будет перелома, он не переживёт ночь.

Парацельс молчал, изучая его.

— Почему вы пришли ко мне? — наконец спросил он.

— Потому что вчера один пивовар сказал, что вы «смотрите на мир так, будто видите сквозь камень». А мне сейчас всё равно, через что вы видите. Лишь бы ребёнок дожил до Пасхи.

Парацельс взял несколько пузырьков, завернул в ткань и бросил в сумку.

— Пойдёмте, доктор Фогель. Посмотрим вашего мальчика.

Госпиталь Святого Духа висел над рекой, как длинный каменный мост. Тёмная деревянная крыша нависала над водой; узкие окна глядели вниз — как усталые глаза стариков. Внутренний двор пах дымом, кислой капустой и уксусом. Фогель провёл Парацельса в общий зал. Ряды коек, тряпичные занавески, тяжёлый запах пота, сухих трав и кислого вина.

— Здесь бедные, — тихо пояснил он. — Богатые лежат выше. Но мальчик... здесь.

Они подошли к дальней койке. Светловолосый ребёнок лежал неподвижно; лицо горело жаром, губы потрескались, дыхание свистело, будто воздух цеплялся за рёбра. Парацельс присел рядом. Осторожно взял его за запястье. Закрыв глаза. Пульс — беспорядочный, рваный. В груди — тяжёлая, вязкая тишина.

«Застой. Воздух не проходит. Тело само в тупике».

— Его исповедовали? — спросил он.

— Вчера. Священник сказал: «Теперь всё в руках Господа».

Парацельс открыл глаза.

— В руках Господа — хорошо. Но пока руки у нас.

Он достал флакон с тёмной жидкостью и маленький мешочек с сероватым порошком.

— Что это? — насторожился Фогель.

— Настой опия с настурцией. Немного очищенной сурьмы. И капля витриола.

— Минералы? Внутрь? Нас за это...

— За многое можно сжечь, доктор Фогель, — перебил Парацельс. — Но мальчик умрёт по правилам. Или, возможно, выживет — против них.

Фогель замолчал. Потом тихо произнёс:

— Делайте.

Парацельс развёл порошок в тёплой воде, добавил несколько капель настоя и осторожно напоил смесью ребёнка. Затем положил ладони — одну на лоб, другую на грудь. И закрыл глаза. Комната стала будто плотнее. Воздух сгустился — как перед грозой.

Парацельс дышал медленно, ровно. Пальцы едва заметно дрожали. Фогель смотрел — и не мог отвести взгляд. Мальчик сначала застонал, потом судорожно вдохнул. Грудь поднялась высоко, страшно — и рухнула. Несколько мгновений он не дышал вовсе.

— Господи... — прошептал Фогель.

Парацельс не убрал рук. Ребёнок снова вдохнул — тяжело, влажно, но ровнее. Свист стал глубже, но ритм выровнялся. Жар отступил от висков.

— Ночью будет хуже, — сказал Парацельс. — Его прорвёт в пот. Главное — не пускать холод. Пусть тело делает свою работу.

— Я... останусь здесь, — тихо сказал Фогель.

— Хорошо, я тоже.

Ночь была долгой. Кто-то бредил, кто-то отпевал себя шёпотом, кто-то умер в углу — и тишина ворочалась вместе с ними. К полуночи мальчика прорвало. Жаркий пот, красные пятна на шее, рубаха промокла. Парацельс менял тряпки, давал воду. Фогель молчал и помогал. К рассвету дыхание стало тише. Ребёнок заснул — впервые по-настоящему. Фогель долго смотрел на него. Затем — на Парацельса.

— Это... не колдовство? — спросил он негромко.

— Если хотите — называйте так, — устало ответил Парацельс. — Для меня это правильное лекарство. И понимание души. Когда лекарство и душа идут в одну сторону — тело идёт за ними.

Фогель посмотрел на мальчика ещё раз.

— О вас пойдут слухи. Разные.

— Слухи идут быстрее истины, — сказал Парацельс. — Вы врач. Вам выбирать, что вы видели: человека, нарушившего правила... или того, кто спас ребёнка.

Фогель протянул руку.

— Сегодня я видел того, кто не позволил смерти прийти по расписанию. Этого достаточно.

Они пожали руки. Так в Нюрнберге появился первый рассказ о докторе, который лечил жар руками и камнем, нарушал порядок и возвращал людей от порога смерти. А где-то в глубине города уже начиналась другая волна — недовольство тех, кому не нравилось, что чья-то правда сильнее их правил.

Февральское солнце было бледным, как вымытая старая монета. Снег подтаял на мостовой, но холод в тенях переулков оставался — звонкий, плотный, как сталь.

Доктор Фогель пришёл за Парацельсом без церемоний: постучал быстро, открыл дверь и сказал одно:

— Там случай. И не простой. Пойдёмте.

Они шли по Нюрнбергу, где шум рынков наполнял воздух: крики торговцев, звон молотков, запах жареного лука и свежей кожи. Дома становились богаче с каждым поворотом —

резные балки, цветные ставни, выступающие этажи. Но дом, к которому привёл Фогель, отличался от остальных. Это был массивный каменный двухэтажный дом на углу площади — сложенный из ровных плит песчаника, с тяжёлой дубовой дверью, окованной железом. Над входом — герб семьи: три сосновые ветви и старинные латинские буквы.

— Дом Крамеров, — тихо сказал Фогель. — Семья влиятельная. Их слово весит больше, чем гильдейские печати.

— Знатное семейство, — отметил Парацельс.

— Знатное, но упрямое, — сухо добавил Фогель. — И... недоверчивое. Домашний врач не хотел звать никого, кроме себя. Но болезнь хозяина... нехороша.

Внутри дом поражал богатством: тёмный дуб, стены, покрытые воском, огромная картина Святого Себастьяна над камином. Их встретила хозяйка — женщина в тёмно-вишнёвом платье. Лицо усталое, но голос ровный:

— Вы доктор Парацельс?

— Да, госпожа.

— Мой муж с ночи в жару. Он бредит... иногда не узнаёт меня. Доктор Ганс полагает, что нужно снова пустить кровь, но доктор Фогель сказал, что вы лечите иначе.

Женщина произнесла это так, будто шагала по тонкому льду — между надеждой и страхом.

Ганс, домашний врач, стоял у кровати. Лицо сердитое, глаза маленькие, недоверчивые. На столике — таз со свежей кровью.

— Это и есть тот самый... — начал он, но Парацельс не дал фразе закончиться.

— Я, — спокойно сказал он.

Ганс поправил цепь городского врача:

— Мы действуем согласно правилам медицины. Кровопускание, укус, компрессы... Если тело ослабло и не выдерживает лечения — вина не наша.

Парацельс не спорил. Он подошёл к больному. Лоб ледяной. Грудь — раскалена. Пульс тонкий, будто треснувшая струна. Дыхание неглубокое.

— Когда началось? — спросил он.

— Вчера вечером, — сказала хозяйка. — Он ел пироги с южными орехами. Сказал, что «горит внутри». Ночью поднялся сильнейший жар.

Ганс хотел что-то вставить, но Фогель прервал:

— Давайте дадим доктору Парацельсу работать.

Парацельс повернулся к женщине:

— Орехи были горькие?

— Да... завезённые с юга.

Парацельс кивнул. Всё стало ясно.

Он достал пузырёк с настойкой и маленький пакет с сероватым порошком.

— Он отравлен маслом горького ореха. Яд не убивает сразу — он обжигает внутренности. Я могу помочь. Но лечение покажется странным.

— Делайте всё, что нужно, — сказала хозяйка.

Когда больной выпил приготовленную смесь, началось очищение: резкое, болезненное, но спасительное. Вскоре больной заснул уже нормальным сном. Пульс ровнялся.

— Он будет жить, — сказал Парацельс. — Завтра будет слаб. Никакого мяса, никакого вина. Только тёплая вода и хлеб.

Хозяйка расплакалась тихим облегчённым плачем.

— Доктор... наш дом вам обязан жизнью. Если вам когда-нибудь понадобится слово в Совете — мы помним добро.

Фогель кивнул Парацельсу: всё произошло так, как он ожидал. Ганс уходил молча. Это молчание было тяжелее любого обвинения. В дверях стоял Нирс — тонкий, настороженный. В его взгляде было что-то тёмное, внимательное, животное.

Он видел, что делает Парацельс. И понимал... слишком много.

Глава 12. Фигура в тени

Алекс уже лёг, но не спал. Камень — на тумбочке, рядом. Тишина. И вдруг — не звук, не голос, а словно мысль, но не его:

«Ты открыл. Теперь слышишь. Но слушать — мало. Нужно понимать».

И снова — вспышка.

Старик. Свечи. Его дрожащие руки. На каменном полу стоит прозрачная колба, внутри — что-то тёмное, полуживое. Он шепчет:

“Non daemon... non angelus... sed inter utrumque...”

(Не демон. Не ангел. Но нечто между.)

И — удар грома. Видение гаснет.

Алекс резко сел. Лоб мокрый. Сердце стучало так, что казалось — камень отвечает в ладони. Ему стало ясно: теперь тишины не будет.

Снег растаял, оставив серые полосы на асфальте. Город был как будто в полутоне — не зима и не весна, пауза. Алекс проснулся рано, хотя толком и не спал. Камень лежал всё там же, на тумбочке, но теперь он не ощущался предметом — скорее, присутствием.

Тихим, внимательным. Как будто ждал. Он вымыл лицо холодной водой, заварил чай и долго смотрел в окно. В голове всё ещё стояли образы ночи — латинские слова, дрожащие руки Парацельса, тёмное существо в колбе... и удар грома.

Но главное — чувство, будто кто-то открыл дверь. И с той стороны кто-то тоже стоит.

Он взял камень в ладонь. Не для опыта — просто потому, что так было спокойнее. И, как всегда теперь, почувствовал лёгкое дрожание — не вибрацию, а словно пульс, еле заметный.

«Если слышишь — значит, можешь отвечать», — всплыло в памяти.

Телефон зазвонил. Голос у Андрея был встревоженный:

— Можем встретиться? Срочно. Не по телефону.

Андрей сидел в самом углу — нервный, бледный.

— Они приходили снова, — сказал он без приветствия. — Не грубили. Но задавали слишком точные вопросы. Про спектрометрию, про тебя, про образец.

— Из ФСБ?

— Не представились. Но это не журналисты и не бандиты. Они знали, что ты был у меня. Знали дату.

Алекс молчал. Внутри всё спокойно.

— Слушай, — Андрей наклонился ближе. — Я не знаю, что ты делаешь. Но... если можешь — остановись. Пока не поздно.

Алекс посмотрел в окно. Река оставалась серой, тяжёлой.

— Уже поздно.

Он возвращался домой пешком. Идти было легче, чем ехать — голова работала яснее. Иногда казалось, что за ним идут. Поворачивался — никого. Но один и тот же тёмный фургон попадался дважды на разных улицах. У дома — двое в чёрных куртках. Не милиция. Не бандиты. Другие. Один сделал шаг:

— Александр Сергеевич? Можно поговорить. Недолго.

— Нет. — Алекс прошёл мимо, не меняя шага.

— Это в ваших же интересах.

В этот момент камень в кармане словно ожил. Тепло, импульс. Как укол в сердце.

И вдруг — мир стал... тише. Шум улицы ушёл. Люди вокруг замерли — не остановились, а как будто движение стало замедленным, вязким. Голоса двоих у подъезда звучали глухо, будто из воды.

«Сделать шаг назад? Поговорить? Или...»

Алекс не поднял руку. Он просто подумал. И воздух между ним и незнакомцами чуть дрогнул — как туман от жара над дорогой. Мужчина сделал полшага — и резко отступил, будто наткнулся на невидимую стену.

— Поняли, — тихо сказал второй. — Мы ещё вернёмся.

Алекс сидел в темноте. Свет не включал. На ладони — камень. Мысли были ясными.

Он больше не скрывается.

Он больше не наблюдает — он участвует.

И где-то далеко, в горах Альгоя, старый график на экране снова вздрогнул.

Петербург. Петроградская набережная. Сумрак, туман, подсвеченный жёлтым от фонарей. В здании без вывески — бывшем особняке дореволюционного банкира — горит свет лишь в одном кабинете на втором этаже.

Тяжёлые дубовые двери приглушают шум улицы. Внутри — тишина, книги в кожаных переплётах, глобус XIX века, старая карта Европы с выцветшими границами империй.

За большим столом сидит человек. Серый костюм, седые виски, тонкие пальцы. Перед ним — два досье. Одно — с эмблемой Фонда Парацельса. Второе — с грифом «ДСП» и инициалами: А. С.

В комнату входят двое: генерал-майор ФСБ Сомов и человек в дорогом пальто — представитель финансово-промышленной группы, формально никто, по факту — владелец половины логистики северо-запада.

Куратор некоторое время молчит, потом закрывает папку и тихо говорит:

— Мы опоздали. Процесс уже начался.

Генерал чуть нервно поправляет перчатки.

— Наши люди здесь. Наблюдение установлено. Но вмешиваться...

— ...пока не приказано, — заканчивает куратор.

Человек в пальто улыбается:

— А в чём проблема? Какой-то парень с коммуналки стал лечить младенцев и останавливать хулиганов взглядом. Смешно.

— Это не смешно, — тихо говорит куратор. — Камень проснулся.

Генерал хмурится:

— Какой камень?

Куратор смотрит на него долгим взглядом:

— Тот, о котором вам не докладывали. Тот, о котором Фонд Парацельса ведёт разработки с сорок шестого года.

Он кладёт ладонь на папку с латинской надписью:

M -17. Fragmentum . Shungitum . Paracelsus .

— Этот объект в руки неподготовленного попадает редко. Но если нашёл носителя...

Он делает паузу.

— ...то носителя уже не остановить простыми методами.

Человек в пальто медленно формулирует:

— То есть этот... Алекс... он нам не подчинится? Даже если надавить?

Куратор наконец улыбается — коротко, холодно:

— Если надавите — получим большие проблемы.

Молчание.

— Что предлагаете? — спрашивает генерал.

Куратор встаёт, подходит к окну.

— Нужно не давить. Нужно предложить. Но сперва — понять, кого выбрал камень. Его — или того, кто стоит за ним.

Куратор стоит у окна, глядя на отражение города в стекле, как будто видел не Петербург, а что-то дальше.

— Он не один, — тихо продолжает. — Вокруг него уже двигается поле. Люди меняются. Кто-то выздоравливает. Кто-то боится. А кто-то хочет это купить.

Человек в пальто едва заметно усмехается.

— Купить можно всё.

— Нет. — Куратор оборачивается. Это не нефть, не золото.

Он на секунду замолкает.

— Честно говоря, я не уверен, что мы понимаем, что это такое.

— Но если это попадёт не в те руки, трудно представить последствия.

Генерал пожимает плечами:

— Тогда надо забрать. Защитить. Изолировать.

Куратор качает головой:

— Вы не понимаете. Если заберём — он сломается. Или умрёт. А с ним исчезнет и явление.

Он кладёт на стол снимок. Нечёткий кадр. Саша стоит в дверях своей квартиры, слегка обернувшись.

— Он даже не понимает, что с ним происходит.

Человек в пальто тихо спрашивает:

— Что вы хотите?

— Установить контакт первым. До того, как это сделает Фонд Парацельса.

Куратор возвращается к столу.

— Значит так. Генерал — вы продолжаете наблюдение. Без задержаний, без давления. Ни обысков, ни допросов. Ни-че-го.

Генерал медленно кивает.

— А вы... — он смотрит на человека в пальто. — ...держите своих подальше. Ваши братки уже совершили ошибку. Следующей ошибки он им не простит.

Человек в пальто сдерживает раздражение.

— Хорошо. Но если он станет угрозой...

— Тогда мы будем действовать иначе. — Куратор кладёт ладонь на папку *Homunculus*.

— Ну вы знаете, что нужно делать.

Он смотрит на генерала.

— Только не увлекайтесь.

Глава 13. Давление

Город был серым, пропитанным мартовской влажностью. Каналы ещё не освободились ото льда, но уже начинали дымиться паром. Дворники лениво скребли лопатами по асфальту — будто пытались стереть ночь.

Алекс проснулся ещё до рассвета. Шунгит — на столе, тёмный, неподвижный. После той ночной вспышки он долго не мог заснуть, ходил по комнате, прикладывал ладонь к камню, слушал — но он молчал. Когда он вышел из дома, у подъезда стояла чёрная машина. Никто не выходил, двигатель был выключен. Но стекло чуть дрогнуло — там сидел кто-то. Алекс прошёл мимо, ничего не сказал, но чувствовал: наблюдают.

В Петербурге, в гостинице «Астория», на четвёртом этаже, за тяжёлыми шторами в номере сидели двое.

— Контакт подтверждён. Объект находится по адресу Пушкинская, дом 18. Движение — одиночное. Камень — при нём, — доложил мужчина в строгом сером пиджаке.

Рядом — женщина лет сорока, в очках, с бледными пальцами, будто созданными для старых манускриптов. Доктор Мария Лаутнер, полевой представитель Фонда Парацельса, коротко кивнула. На открытом ноутбуке — зашифрованный видеоканал. На зернистом экране — седовласый куратор Фонда в своём кабинете в Альгое.

Он медленно закрыл папку с тиснёной надписью:

Homunculus . Archiva Secretum .

— Никакого контакта. Сначала — наблюдение. Камень должен сам указать, кого он признаёт.

Голос шёл с заметной задержкой.

— Если вмешаются местные?

— Местные нас не касаются. Ни ФСБ, ни криминал. Работаем тише воды.

Связь оборвалась мягким щелчком. В номере наступила тишина.

Мария Лаутнер подошла к окну, отодвинула штору. За стеклом — Исаакиевский собор, тяжёлый и неподвижный.

— Петербург — странный город, — сказала она тихо. — Здесь камни помнят больше, чем люди. Смотрим. Но не трогаем. Пока.

Лаборатория почти пуста. Только старые приборы, колбы, спектрограф с треснувшей крышкой и пыль, накопившаяся на краю оконных рам. Андрей Николаевич стоял у стола, когда дверь резко открылась.

— Можно? — спросил Алекс.

— Заходи уже. Видел, что за тобой следят?

Алекс молча кивнул. Андрей вздохнул, сел, потёр глаза.

— Я говорил, что приходили двое... но сегодня были другие. Эти не спрашивали. Они вошли. Показали корочки. Федеральная служба безопасности. Спросили про твой камень. Про запросы по шунгиту. Про то, что ты делал в лаборатории.

— И?

— Я сказал, что ничего особенного не было. Просто спектральный анализ. Но...

Он замолчал.

— Что?

— Они включили запись с камеры. Помнишь тот день? Когда ты положил камень под датчиком. Они прокрутили момент — и...

Андрей нервно провёл рукой по волосам.

— Запись гаснет. Камера глючит. На одной секунде всё изображение... как будто уходит в черноту. Они думают, это ты сделал намеренно.

— Я не делал. Камень просто...

— Я им это и сказал. Они не поверили.

Молчание. Только тиканье лабораторных часов и звук вентиляции.

— Алекс... ты должен понимать. К тебе придут. Не бандиты. С ними ты справился. А эти — они закон. Они возьмут тихо, без шума. И не выпустят.

— Что ты предлагаешь?

— Спрятаться. Или уехать хотя бы на время. Пока не понятно, что это вообще...

Алекс покачал головой.

— Поздно. Камень... он уже не молчит. И кое-кто ещё слушает.

Он достал из кармана шунгит. Положил на стол. В этот момент словно сквозняк прошёл по комнате. Но окна были закрыты. Андрей вздрогнул.

— Ты чувствуешь? — спросил Алекс.

Андрей тихо кивнул.

— Что это?

— Не знаю. Но это не мы.

В этот миг:

Здание без вывески.

Монитор. Красные точки. Петербург — мигает новым сигналом.

Альгой. Фонд Парацельса.

На экране — биополевая карта. Вспышка. Подпись: *Saint Petersburg / Level III Resonanz*.

Петербург.

Алекс берёт камень в ладонь. Сжимает пальцы.

И в тот момент — не звук, не образ, а простое слово. Чужое. Из камня:

— *Не прячься.*

Морозно. Туман висит над мостовой, как молоко. Алекс идёт домой — не спеша, но и не задерживаясь. Камень — в правом кармане пальто. Чувствуется, как будто он тяжелеет, когда рядом — чужие взгляды. И взгляды действительно были.

Чёрный автомобиль стоит у подъезда. Фары выключены. Внутри — силуэты.

Алекс проходит мимо, не глядя. Но чувствует: это не братки. Это другие.

В это время Андрей сидит у себя дома, пьёт чай. На столе — ноутбук, стопка бумаг, старый чёрно-белый снимок институтских друзей.

Звонок в дверь.

— Кто? — машинально спрашивает он.

— Федеральная служба безопасности. Откройте.

Андрей медлит. Сердце гулко бьётся.

Он открывает.

Двое в штатском. Без формы. Но с документами.

— Простите за поздний визит. Понимаем, что неудобно.

— Что вам нужно?

— Всего лишь поговорить. Про Александра. Про ваш анализ шунгита. Про тот момент... когда на записи камера погасла.

Андрей молчит.

— Понимаете, Андрей Николаевич, — говорит один из них, — это не шутка. Кто-то проявляет необычные способности. Это может быть опасно — для государства.

— Он никому не угрожает.

— Это вы так думаете. Но мы должны быть уверены.

Пауза.

— Где он сейчас?

Андрей опускает глаза.

— Не знаю.

Мужчины переглянулись. Один чуть улыбнулся.

— Если узнаете — свяжитесь. Иначе вы окажетесь частью проблемы. Они уходят.

Алекс поднимается по лестнице. И вдруг — шаги за спиной. Кто-то поднимается следом. Он оборачивается. Мужчина и женщина в пальто, сдержанные, спокойные.

— Александр? Можно на минуту?

Алекс не отвечает, смотрит.

— Мы не враги. Нам просто нужно поговорить.

И именно в этот момент лампа над ними моргает. Снова. И ещё. Щёлк — и гаснет. Темнота. Их шаги затихли. Или они замерли. Или исчезли. Алекс стоит один.

Камень в его кармане — горячий, как уголь. Из темноты — голос. Знакомый? Нет. Не человеческий.

— *Я рядом.*

Он не двигается. Свет возвращается. Мужчины и женщины нет. Только слабый запах озона.

Альгой. Фонд Парацельса. Кабинет директора.

Старинное окно выходило на туманное ущелье. Снег на вершинах уже блестел холодным золотом.

Рудольф Кляйн стоял не двигаясь. На массивном дубовом столе дрожал свет с единственного экрана — старого, но модернизированного монитора, соединённого с криптографическим усилителем связи.

На экране — фигура женщины в длинном сером пальто. Доктор Мария Лаутнер. Позади неё угадывались тёмные крыши Петербурга и башня Исаакиевского собора.

— Докладывает Лаутнер. Объект активен. Камень проявляет устойчивую связь с носителем. Есть контакты с криминалом и с органами госбезопасности. Приказываете вмешаться?

Директор фонда Рудольф Кляйн долго молчал. Его лицо было неподвижно, словно высечено из камня.

— Нет. Только наблюдение.

— Но риск растёт. Если он войдёт глубже в резонанс с камнем, мы можем потерять контроль. Или потерять его самого.

Рудольф Кляйн слегка повернул голову.

Голос прозвучал тихо, но так, что у Марии по коже пробежал холод.

— Ты забыла правило. *Nalascane Uroboros*. Уроборос просыпается сам — его нельзя будить.

Слабый треск. Экран погас.

Петербург. Квартира Алекса. Ночь.

Алекс сидит в темноте. Камень — в ладони.

Мысль, тихая, как дыхание:

«Ты разбудил. Теперь тебя ищут. Но не все — враги.»

Глава 14. Бамбергский посланник

Поздняя зима окутывала Бамберг серым светом. Собор стоял как каменный страж, глухо звонили колокола. Епископ Иоганн фон Штаубен смотрел из окна в город, что держался старой веры, несмотря на Реформацию. У стола сидел каноник Маттиас Роттингер — сухой, внимательный человек с лицом, способным слушать и слова, и тишину.

— Маттиас, — произнёс епископ. — В Нюрнберге снова беспокойно.

— В Нюрнберге мирно не бывает, ваше преосвященство, — мягко ответил Роттингер. Епископ поднял письмо.

— Говорят о враче. Парацельс. Лечит иначе. Не по Галену, не по Авиценне. Полон странных идей. Люди называют его чудотворцем.

— Или колдуном? — тихо спросил Маттиас.

— Именно. И если он нарушает порядок — мы должны это знать.

— Ты поедешь туда. Узнаешь, кто он. И решишь, опасен ли он для церкви... и для порядка.

Маттиас кивнул. Он умел быть незаметным наблюдателем. Он умел ждать. И умел решать.

Роттингер поселился при бывшем доминиканском дворе — маленьком, тихом, незаметном. В центре города он был бы виден, а ему нужна была тень.

Нюрнберг жил новой верой, новыми проповедями, но старые страхи всё ещё ходили по улицам. На третий день после приезда Маттиаса в дверь его кельи постучали резко, нетерпеливо. Он открыл.

На пороге стоял доктор Отто Ганс — взволнованный, покрасневший, с глазами человека, которого обида и страх уже несколько дней точат изнутри.

— Господин Роттигер? — выдохнул он. — Мне сказали, что вы прибыли по... необычному делу.

Маттиас кивнул и сделал лёгкий жест, предлагая войти. Ганс шагнул внутрь — слишком быстро, как человек, боящийся, что его передумают слушать.

— Слушаю, — сказал Маттиас спокойно.

Ганс начал говорить сразу, захлёбываясь:

— Этот Парацельс... он нарушает всё! Всё, чему мы учили! Он отвергает Галена, Авиценну, говорит о каких-то силах! Он лечит минералами, руками, травами, которые нельзя смешивать! Он... он ведёт себя так, будто он святой или... или колдун!

Маттиас наблюдал за ним с почти ленивой внимательностью — как за человеком, который сам выдаёт больше, чем хотел бы.

— Вы говорите с яростью, доктор Ганс, — произнёс он тихо. — Это личное?

— Личное?! — Ганс вспыхнул. — Он исцелил Крамера за один вечер! Моего пациента! Весь Совет теперь говорит о нём, а не обо мне! Он... он выставил меня неучем!

Маттиас сложил руки, слегка склонив голову. В голосе его появилась мягкость — но мягкость, похожая на тонкую ледяную корку:

— Вы двадцать лет лечите в Нюрнберге, доктор.

Ганс напрягся.

— И за двадцать лет, — продолжил Маттиас, — вас знают... как честного врача. Но вот приходит чужак — и весь город шепчет только его имя.

Он сказал это без злобы — ровно, спокойно, но слова резанули Ганса сильнее, чем крик. Ганс побледнел, губы его дрогнули. Он хотел что-то сказать, но Маттиас поднял руку — лёгкий жест, который мгновенно отрезал поток слов.

— Понимаете? — тихо спросил он. — Опасность не в том, что он лечит иначе. Опасность в том, что люди видят результат. Они всегда тянутся туда, где есть сила.

— Он... он разрушает порядок! — Ганс почти взмолился. — Он нарушает всё, что мы знаем! Люди ему слишком верят.

— Значит, — сказал Маттиас, — вы боитесь. А страх, доктор Ганс, — вещь громкая. Иногда именно он приводит к самым громким обвинениям.

Ганс дёрнулся:

— Вы... вы поговорите с ним? Предупредите? Остановите?

Маттиас чуть улыбнулся — едва заметно, холодно.

— Сначала — наблюдение. Потом — решение.

Он выдержал паузу.

— Церковь не торопится, когда речь идёт о людях с неожиданной удачей. Но, уверяю вас, доктор... если он нарушает порядок — мы это увидим.

Ганс кивнул резко, как человек, который одновременно и благодарен, и унижен. В глазах его кипела злость.

— Я... я всё устрою, — пробормотал он.

Когда дверь за ним закрылась, Маттиас некоторое время стоял в тишине. На его лице не было ни раздражения, ни сочувствия. Только спокойное осознание: в городе появился человек, который ломает привычный уклад. И такие люди либо становятся пророками, либо — жертвами.

Февральский вечер лёг на Нюрнберг тихим холодом. Город темнел рано, и в узких переулках уже шёл обратный ток людей — от рынков к домам. Маттиас Роттингер шёл уверенно, на ходу отмечая окна, двери, лица — так ходит человек, который не ищет путь, а выбирает.

Дом Пиркгеймера стоял в стороне от шумных улиц: старый каменный фасад, узкие окна, герб, стёртый дождями. Маттиас постучал.

Открыл старый слуга.

— Я к господину Пиркгеймеру, — сказал Маттиас. — По просьбе коллег из Бамберга.

Слуга кивнул и провёл его внутрь.

Пиркгеймер сидел у камина, укрытый шерстяным плащом. Он был очень стар — но глаза оставались ясными и глубокими. Перед ним лежала раскрытая книга с каббалистическими заметками.

— Вы из Бамберга? — спросил он.

— Да. Маттиас Роттингер.

Старик чуть склонил голову.

— Те, кто приходит из Бамберга, редко приходят зря. Говорите.

Маттиас сел напротив.

— Мне нужно узнать всё, что вам известно о человеке по имени Теофраст Парацельс. О его методах. И о его природе.

Пиркгеймер закрыл книгу.

— Нюрнберг уже третий день шепчет это имя, — сказал он. — И шёпот растёт. Парацельс — человек необычный. Он не повторяет Галена. Не кланяется Авиценне. Он чувствует болезнь как алхимик, а не как ремесленник. Он видит тело как живую структуру, где вещество и дух связаны.

Маттиас слушал.

— Он опасен? — спросил он.

— Для догматиков — да. Для тех, кто держит порядок через незнание — да. Для тех, кто привык лечить «как писано», — конечно да. Но не для истины.

— Его уже называют человеком вне школ. И вне церкви.

— Потому что он действительно вне школ, — ответил Пиркгеймер. — Он берёт только то, что живо. А всё мёртвое — выбрасывает. Мир не любит таких людей.

— В городе есть люди, которым он мешает, — сказал Маттиас.

— Да, — кивнул старик. — Один из них — доктор Отто Ганс. Его имя сегодня звучало почти в каждом разговоре. Завистливый человек. Испуганный. Тот, кто боится потерять своё место сильнее, чем боится потерять больного.

Пиркгеймер посмотрел в огонь:

— Такие люди опасны, когда находят повод. И ещё опаснее — когда находят слушателя.

— Он уже был у меня, — тихо сказал Маттиас.

Пиркгеймер вздохнул:

— Значит, я не ошибся.

— Скажите прямо, — сказал Маттиас. — Он колдун?

— Нет, — ответил Пиркгеймер сразу. — Но он делает то, что церковь привыкла называть чудом. И делает без молитвы, без посредников, без ритуала. Это пугает сильнее колдовства.

Маттиас встал.

— Вы помогли мне больше, чем думаете.

— А вы, — сказал Пиркгеймер, — человек, который отличит истину от страха. Не все в Бамберге такими бывают.

Маттиас слегка поклонился.

— Прошу вас быть осторожны, господин Роттингер, — добавил старик. — Нюрнберг тих, но память у него тяжёлая. Этот город долго смотрит — прежде чем решит, кто виноват.

— Я не новичок в таких делах, — ответил Маттиас. — Я просто прихожу тогда, когда уже поздно.

Они обменялись коротким, понимающим взглядом. Маттиас вышел в февральский холод. Город стоял тёмный и настороженный. И он чувствовал: Пиркгеймер был прав. Тишина Нюрнберга — это не мир. Это ожидание.

Ночью он написал письмо:

«Ваше преосвященство.

В городе появился врач, чьи методы противоречат Галену и Авиценне.

Он лечит быстрее, чем положено, и тем вызывает страх.

Люди разделены: одни зовут его чудом, другие — угрозой.

Прошу указаний. Полагаю разумным наблюдать пристально, но не вмешиваться преждевременно».

Ответ пришёл через четыре дня:

«Наблюдай.

Будь осторожен.

Человек этот опасен.

И придёт час — возможно, скоро, — когда понадобится действовать». Маттиас спрятал письмо. Его роль стала ясной.

Глава 15. Совет у Пиркгеймера

В доме Пиркгеймера собрались врачи и гуманисты. Старый учёный сидел у камина, укрытый плащом, но глаза были ясны и внимательны.

— Господа, — начал он, — сегодня у нас две причины для встречи. Первая — новый врач, Теофраст Парацельс. Вторая — визит каноника из Бамберга, который расспрашивал о нём.

Фогель поднялся.

— Я видел его в деле. Он врач... но иной школы. Не нашей.

Молодой лекарь горячо воскликнул:

— Он презирает Галена!

Фогель поднял ладонь:

— Прежде чем осуждать, вспомним, что такое Гален и Авиценна.

Он говорил спокойно, ровно:

— Гален учил о равновесии четырёх жидкостей: крови, жёлтой и чёрной желчи, флегмы. Болезнь — их неправильное смешение. Лечение — кровопускания, припарки, очищения. Это основа медицины более тысячи лет.

— Авиценна придал этой системе порядок. Его «Канон» — книга, по которой лечат от Праги до Саламанки.

Он сделал паузу.

— Но Парацельс говорит, что тело — не сосуд жидкостей, а алхимический механизм. Что болезнь — это борьба вещества и духа. Он использует минералы, настойки, растворы, которые школы называли бы опасными. Но я видел, что он делает. И это — знание, а не колдовство.

Пиркгеймер произнёс тихо:

— Каждый великий ум приходит слишком рано. И потому его боятся.

Гуманисты переглянулись.

— Католический священник из Бамберга уже интересуется им, — добавил Пиркгеймер.

— А когда католики интересуются врачом в протестантском городе — это не к добру.

— Может быть, он опасен? — спросил один из врачей.

— Возможно, — ответил Пиркгеймер. — Но поспешное осуждение опаснее, чем его знания.

Он поднял руку:

— Не осуждать. Не обожествлять. Понимать.

— И наблюдать, — добавил Фогель.

Пиркгеймер кивнул:

— Да. Наблюдать — потому что страх вокруг Парацельса растёт быстрее, чем понимание. Собрание завершилось.

Глава 16. Быстрая слава

Утро в Нюрнберге начиналось с глухих ударов по камню. Не колокольных — ремесленных. Ещё не рассвело, а двор каменщиков уже жил своей обычной суровой музыкой: стук молотков о долота, шуршание пил, тяжёлые голоса мужчин, привыкших говорить громко, чтобы перекрывать шум. Воздух был влажным, под февральским небом висел тусклый свет — как будто солнце уже думает встать, но ещё сомневается.

Парацельс вошёл во двор, сопровождаемый Нирсом. Тот молчал, как всегда по утрам, но шёл чуть впереди — будто предупреждал людей жестом: «Не шути с ним».

— Доктор! — окликнул кто-то.

Голос грубый, непривычный к вежливости. Трое каменщиков стояли над человеком, который сидел, прислонившись к штабелю брусев. Лицо у него было бледное, пот выступил на висках, один глаз чуть подрагивал — не от боли, а от страха перед болью.

— С утра бревно сорвалось, господин доктор, — сказал старший из каменщиков. — Прямо ему в бок. Он сначала дышал, а потом... будто воздух кончился.

Парацельс присел рядом. Мужчина — лет сорока, крепко сбитый, с узловатыми руками. Дышал он коротко, поверхностно, а грудь ходила неровно.

— Имя? — спросил Парацельс.

— Якоб, — прохрипел тот.

— Боль куда отдаёт?

— В бок. И... под лопатку.

Парацельс осторожно коснулся рёбер. Якоб стиснул зубы так, что скулы побелели.

— Прямой удар. Одно ребро треснуло, другое ушло внутрь, но не пробило лёгкое. Это хорошо.

Он посмотрел на старших каменщиков.

— Ремни есть?

— Есть, доктор. Вот.

Ему подали кожаный, немного жёсткий ремень. Парацельс взял его и быстрым, уверенным движением наложил тугую перевязку, фиксируя грудную клетку. Только после этого открыл сумку и достал небольшой пузырёк с тёмной мазью.

— Сначала перевязка, — произнёс он вполголоса, будто для того, чтобы все запомнили. — Потом всё остальное.

Якоб дышал тяжело, но уже чуть ровнее. Парацельс аккуратно приподнял край рубахи и нанёс мазь под перевязку — на бок, чуть выше талии, туда, где треснули рёбра.

Запах мази был резкий, хвойно-горький. Но мазь — лишь начало. Парацельс выпрямился и положил обе руки над грудью Якоба, не касаясь тела. Каменщики переглянулись.

— Это он опять своё делает, — прошептал один.

— Тише, дурак, — одёрнул другой.

Парацельс не слушал их. Он видел перед собой не тело — структуру напряжения: одно место «горячее», другое «пустое», третье «смятое». Он медленно вёл руками вдоль рёберного края — как будто разглаживал складки воздуха. Нирс смотрел на его пальцы, не мигая.

— Доктор... — выдавил Якоб. — Что вы... делаете?

Парацельс ответил спокойно:

— То, что ваш организм не может сейчас сделать сам. Я разгружаю жар. Помогаю воздуху вернуться туда, где он должен быть. Это не чудо, Якоб. Всего лишь знание о том, как работает тело.

Он провёл рукой чуть выше — и Якоб резко втянул воздух.

— Дыши медленно, — сказал Парацельс. — Длинный вдох... и длинный выдох.

Он медленно, пальцами, ведя над боком и грудью, «раздвигал» боль, будто открывал невидимый замок. Руки двигались в нескольких сантиметрах от кожи — это выглядело странно, непривычно, но в этом движении была сила и точность. Каменщики смотрели в напряжении. В этих людях уважение не рождалось словами — только делом.

Через минуту дыхание Якоба стало глубже. Через две — он перестал морщиться.

Через три — открыл глаза и выдохнул:

— Доктор... так легче. Гораздо легче.

Парацельс кивнул.

— Так и должно быть. Теперь слушай внимательно. Сегодня не поднимай даже котёл с водой. Завтра не работай. Через два дня можешь вернуться, но только к лёгким задачам. И приходите ко мне вечером — проверю, как грудь ходит.

— Доктор... — Якоб поднял глаза. — Я вам... должен что-то...

— Нет. — Парацельс поднялся. — Вы должны — дышать. Этого достаточно.

Но старший каменщик шагнул вперёд, потёр ладонь о ладонь, будто не знал, как правильно благодарить.

— Господин доктор... вечером... зайдите к нам. Хоть кружку пива поставим.

Нирс усмехнулся:

— Пиво не повредит. Доктору надо видаться с людьми.

Парацельс чуть улыбнулся — осторожно, будто учился этому заново. Он снова посмотрел на Якоба:

— Приходи вечером. И если станет хуже — посылай мальчишку за мной.

Каменщики стояли полукругом — никто не смеялся, никто не бросал лишних слов. Это было молчаливое уважение ремесленников — ровное, тяжёлое, настоящее, как камень, с которым они работали. И только когда Парацельс и Нирс вышли со двора, один из мужчин тихо произнёс:

— Вот этот... если он не колдун — то кто?

Старший буркнул:

— Если бы колдун — Якоб бы уже коньки отбросил. А этот... руки у него... как будто ветер двигает.

— И что это значит?

— А значит... посмотрим.

И двор снова наполнился стуком камня, будто ничего не произошло. Но произошло.

И город это почувствовал.

Полдень в ремесленных дворах Нюрнберга всегда был часом настоящего шума: звон молотов, скрежет пил, резкий запах горячего железа. Снег здесь таял быстрее, чем на улицах, — от жара, который валил из кузниц густыми волнами.

Парацельс шёл неторопливо, а Нирс — чуть позади, зорко оглядываясь по сторонам. Никто не окликал их сразу: в этих кварталах уважение появлялось только после дела, а не после имени. Но один голос всё же прорезал металлический гул:

— Доктор! Эй, доктор, сюда!

У кузницы, где из трубы вырывалось красное пламя, стоял молодой ремесленник. Лицо — в дыму, лоб мокрый от пота, рука крепко прижата к груди, как будто он боялся, что боль вырвется наружу и сорвёт кожу.

— Пожалуйста, — выдохнул он. — Я... глупость сделал. Клещи сорвались, и... вот.

Он отнял руку — и Парацельс увидел ожог. Кожа на ладони была вздутая, мокнувшая, часть пальцев покраснела до багрового.

— Имя? — спросил Парацельс.

— Михель... подмастерье у цеха кузнецов...

Он не договорил — боль скрутила его. Парацельс сел на низкую полку, подвинул его к себе:

— Сядь. Покажи руку.

Михель протянул руку, дрожа. Парацельс сначала даже не коснулся кожи. Он поднёс ладонь к ожогу — в нескольких сантиметрах. Посмотрел. Пламя сделало своё: верхний слой кожи повреждён, но глубокого разрушения нет. Спасло то, что Михель сразу бросил руку в снег. Нирс скривился — ему было неприятно смотреть. Остальные работники кузницы подошли ближе, образовав живой круг.

— Вы будете... мазь накладывать? — спросил один.

— Сначала — нет, — спокойно ответил Парацельс.

Он вынул маленькую деревянную коробочку, открыл — внутри был сероватый порошок.

— Дайте чистую воду.

Кто-то быстро подбежал к бочке.

Парацельс смешал порошок с водой в маленькой чашечке — смесь сразу стала мутно-белой и на вид прохладной.

— Остуди этим кожу, Михель.

Юноша погрузил ладонь в чашу — и выдохнул так, будто его ударили теплом по всему телу.

— Холодно... но легче...

— Так и должно быть.

Парацельс подождал минуту. Затем вынул из сумки небольшой пузырёк.

— Это мазь против огненных ран. Но сначала... — он поднял обе руки над ладонью Михеля — сначала нужно снять жар. Иначе мазь только запечатает его внутри.

Кузнецы перестали двигаться. Перестали даже дышать. Парацельс держал руки над ожогом — не касаясь, но так близко, что воздух между ладонями и кожей будто дрожал. Он плавно двигал ладонями в воздухе, как человек, который разглаживает складки ткани. Нирс смотрел, не отрываясь: ему это нравилось и пугало одновременно. Михель тихо охнул:

— Доктор... как будто... не печёт.

— Да, — ответил Парацельс. — Жар выходит. Ты слишком долго держал руку в огне, Михель. Огонь любит жадных.

Он вёл руками вширь — медленно, уверенно, как будто отодвигая боль. Несколько кузнецов переглянулись. Один прошептал:

— Он колдун?

Старший цеховой резко ответил:

— Колдун бы кожу с него содрал. Смотри: парня отпускает.

Когда жар ушёл, Парацельс опустил руки.

— Теперь можно мазь.

Он осторожно смазал руку мягким слоем, запах трав и масла наполнил пространство между людьми.

— До вечера держи руку в покое. Не работай, слышишь? Завтра утром — ко мне. Я проверю, как идёт заживление.

Михель всхлипнул — от облегчения, не от боли.

— Доктор... я... благодарен... — он не нашёл, что сказать.

Но сказал старший кузнец:

— Скажи по-человечески: если доктор Парацельс скажет слово — кузнецы его запомнят.

Парацельс улыбнулся — устало, но тепло.

— А если станет хуже — пусть кто-нибудь прибежит. Ночью тоже приму.

Он поднялся. Подмастерья, не сговариваясь, отступили, освобождая ему место, будто давая пройти не гостю — человеку, которому верят. И только когда Парацельс вышел со двора, где воздух снова рванулся жаром, Нирс тихо наклонился к нему:

— Вы видели, доктор? Они смотрели на вас... как на того, кто умеет больше, чем должен уметь человек.

Парацельс не ответил сразу. Потом сказал:

— Люди видят то, что хотят. А выводы делают позже.

Нирс оглянулся. Женщина, закутанная в серый платок, стояла неподалёку — слишком неподвижно для случайной прохожей. Когда Парацельс посмотрел на неё — она исчезла за углом. Нирс нахмурился.

— Доктор... нам нужно идти. За нами смотрят.

К вечеру Нюрнберг становился другим городом.

Шум рынков сходил на нет, кузницы затихали, а вместо ремесленных звуков город наполнился запахами: печёного мяса, кислой капусты, дыма и дешёвого вина. На улицах зажигались факелы, и над Пегницем поднимался пар — плотный, тягучий, вечерний. Трактир «Кривой Якоб» стоял в узком переулке, где всегдалюдно.

Дверь туда почти не закрывалась: люди входили, выходили, ругались, смеялись, несли кружки, пинты, куски хлеба. Дощатый пол был тёплым, тем самым зимним жирным теплом, какое бывает в домах, где много едят и много ругаются. Парацельс с Нирсом вошли ровно в тот момент, когда заиграла скрипка — фальшиво, но громко. Сразу несколько голосов выкрикнули:

— Доктор пришёл!

— Вот он, наш спасатель Якоба!

— Эй, кто там! Подвиньтесь, дайте человеку место!

Их буквально втянули внутрь живой волной. У длинного стола сидели каменщики — те самые, с утреннего двора. Якоб был здесь тоже, хотя держался одной рукой за бок, но уже улыбался. Перед ним стояла большая оловянная кружка. Старший каменщик поднялся:

— Господин Парацельс, сюда. Для вас место. И пиво. Пиво хорошее, честное. Из бочки, а не помои из усталого кувшина.

Парацельс сел. Кружку перед ним наполнили до краёв. Нирс встал чуть сбоку — так, чтобы видеть дверь и окна. Он делал это всегда.

— Доктор... — наклонился Якоб. Лицо у него было уставшим от боли, но в глазах светилось то, что редко бывает у людей этой профессии, — благодарность. — Как воздух? — спросил Парацельс.

— Гораздо лучше. Дышу... почти нормально. — Он улыбнулся. — Мужик я здоровый, доктор. Но сегодня вы меня из-под плиты достали. Так что... это вам.

Старший каменщик легонько ударил кулаком по столу, привлекая внимание:

— Господа, вставайте. Мы обещали человеку кружку пива. Обещание сдерживаем.

Две кружки тут же стукнулись о стол рядом с Парацельсом.

— Скажи нам, доктор, — сказал один из ремесленников, — вот ты утром руками так водил... Что это такое? Люди уже говорить начали — мол, делаешь что-то «не наше».

Слова были сказаны прямо. Уважение у каменщиков — прямое, как их камень.

Парацельс не стал уходить от ответа.

— Когда человек получает удар, — сказал он спокойно, — тело сжимается. Воздух внутри сбивается. Места, которые должны быть мягкими, становятся камнем. Места, где должен гулять жар, становятся холодом.

Он поднял руку и, не касаясь, провёл ею над кружкой.

— Я не лечу руками. Я только направляю то, что в теле хочет выровняться.

— То есть... это не колдовство? — спросил молодой парень.

— Нет, — твёрдо ответил Парацельс. — Это знание. Всё в человеке — воздух, жар, соки — стремится к равновесию. Я лишь помогаю этому сдвинуться быстрее.

Старший каменщик хмыкнул:

— Вот видите! Я говорил — не колдун. Колдун бы только снег взбил и хвостом сверкнул. Все засмеялись. Пиво пошло легче. Парацельс слушал — и это было важнее слов. Камен-

щики говорили о своём:

— На воротах рвутся петли, заказ новый.

— У Фрауэнкирхе трещина в колонне.

— Кузнецы подняли цену на скобы.

— Гильдия плотников опять требует свою долю.

Но среди этих слов он слышал другое — тонкое. Никто прямо не говорил, но отовсюду чувствовалась усталость от Ратуши, от постоянных поборов, от бесконечных разрешений.

— А этот ваш... — спросил вдруг один каменщик, — что там, старший по строительству? Как его...?

— Хольцман, — подсказал другой.

— Во! Хольцман. Так вот, он жмёт людей сильнее каменного пресса. Ему только дай — он из воздуха налог возьмёт.

Смех поднялся, но с горьким привкусом. Парацельс запомнил это имя.

Когда выпили вторую кружку, Якоб поднялся. Тяжело — но поднялся. И вынес из-за пазухи небольшой свёрток в полотне.

— Доктор. Мы тут... — он оглянулся на своих. — Мы думали, чем человека отблагодарить. У нас денег мало. Но решили: может, наш подарок вам пригодится.

Он развязал ткань. Внутри лежал камень. Небольшой, ладонный, не драгоценный — но удивительно красивый: гроздь кварца с тонкими светлыми прожилками, будто внутри него застыл маленький рассвет.

— Мы его нашли, когда стену городскую чинили, — сказал старший каменщик.

— Камень редкий. Мастера используют его как знак удачи. Возьмите. Пускай путь ваш в городе будет твёрдым.

Парацельс взял камень. Он был прохладный — но, когда лёг в ладонь Парацельса, будто стал теплее. Нирс заметил это и чуть нахмурился: он чувствовал такие вещи.

— Спасибо, — тихо сказал Парацельс. — Я сохраню его.

— А если кто будет трогать тебя, доктор, — сказал другой, — скажи. Каменщики умеют ставить камни не только в стены.

Смех снова прошёл по столу — но под ним была правда.

Когда Парацельс с Нирсом вышли из трактира, ночь уже легла на город. Факелы дрожали на ветру. На улице было тихо, только снег под ногами чуть поскрипывал.

— Доктор, — сказал Нирс, глядя через плечо. — Мы не одни.

Парацельс чувствовал это тоже. Тьма словно двигалась следом за ними — не угрожающе, но внимательно. Они свернули во двор, где узкая арка уходила в темноту.

Там на мгновение мелькнула тень. Человеческая. Тихая, как кошка. И исчезла.

— Кто это? — спросил Парацельс.

— Человек, который знает, что вы сегодня стали важнее, чем утром, — ответил Нирс.

Парацельс сжал в ладони камень, подаренный каменщиками. И впервые за весь день почувствовал, что город не только принимает его. Город начинает смотреть на него.

Вечер в Нюрнберге уже выдохся — тот самый час, когда город будто слушает самого себя. Факелы у стен дрожали, снег застывал коркой, а в переулках висела серая, тихая влажность, в которой даже шаги звучали мягче. Парацельс шёл не спеша. Нирс — чуть позади, в тени. Он

оглядывался так часто, что это выглядело привычкой, а не тревогой. Каменщики ещё стояли у дверей трактира, провожая его тяжёлыми шутками и хлопками по плечу, но шум позади уже растворялся в холодном воздухе.

— Слежка ушла, — сказал Нирс после того, как они свернули за третий угол.

— Нет, — ответил Парацельс. — Просто стало тише.

Они вышли на узкий переулок у старых кожевенных домов. Дворы здесь были тёмными, пахли дубильным раствором и мокрой кожей. Ночью эти запахи становились особенно резкими, будто жили своей жизнью. Когда они проходили мимо дверей небольшого трактира, оттуда внезапно вышла женщина. Высокая, но чуть согбенная.

Платок — серый, плотный. Черты лица — тонкие, усталые. Лет тридцать пять, может, чуть больше. И взгляд — как у человека, который давно не удивляется ни добру, ни злу.

Она остановилась прямо перед Парацельсом.

— Доктор... «Вы Парацельс?» — спросила она тихо.

Голос был мягким, но дрожал скрытой болью.

— Да. Чем могу помочь?

Она оглянулась — будто опасалась кого-то. Нирс сразу отступил на шаг в тень, к стене: наблюдать.

— Я Маргарита... — сказала она. — Жена... вернее, уже вдова мастера кожевенной гильдии. Мой муж умер осенью. С тех пор... — она сжала пальцы, словно удерживая дрожь. — С тех пор вот это.

Она приложила руку к виску.

— Голова? — спросил Парацельс.

— Да. Как будто железный обруч сжимает. Бывает, я даже говорить не могу. Или стоять прямо. Иногда... темнеет в глазах.

— Давно?

— Несколько месяцев.

Парацельс смотрел на неё внимательно. Не как на больную — как на человека, которого жизнь обжала с двух сторон.

— Здесь неподходящее место для осмотра, — сказал он. — Но... покажите, где болит сильнее всего.

Она послушно наклонила голову чуть вперёд. Парацельс поднял руки и провёл ими над её висками — не касаясь, только чувствуя плотность воздуха. Возле левого виска воздух будто загустел. Возле правого — пустой, слабый.

— Ага... — выдохнул он едва слышно. — Напряжение не в голове. Оно в шее. И тянет всё вверх.

Он подошёл сзади.

— Могу? — спросил мягко.

Она кивнула. Парацельс поднял руки и обхватил воздух вокруг её шеи, словно расправлял невидимые складки. Пальцы двигались медленно, аккуратно, как у человека, который чинит тонкую ткань. Маргарита вздрогнула:

— О... это... тепло? Или... я сама это чувствую?

— Это не тепло, — ответил Парацельс. — Это место, где вы держите всё, что не можете сказать. Шея запирает то, что сердце не может вынести.

Она тихо всхлипнула. Он продолжал движение — кругами, выравнивая энергию над плечами, над затылком. Руки его как будто светились — не светом, а вниманием.

Через минуту она выдохнула глубоко, почти впервые за долгое время.

— Доктор... боль... уходит.

— Она вернётся, если будете носить всё внутри. Но сейчас — уйдёт на ночь.

Он коснулся рукой её плеч — уже касанием, человеческим — и легко надавил вдоль ключицы. Маргарита вдруг вскрикнула — от облегчения, не от боли.

— Видите? — сказал он. — Там всё держится узлом.

Он расправил этот узел движением ладони — мягким, почти материнским.

Маргарита выпрямилась.

— Как будто... как будто меня отпустили... как будто я дышать могу...

— Так и должно быть.

Она долго молчала.

Потом сказала:

— Доктор... если вам понадобится слово от ремесленных людей... или помощь... придите. Кожевники не богатые... но мы честные.

Парацельс кивнул:

— Приду. И если станет плохо — ищите меня у Себальдскирхе. Обычно я там.

Она благодарно кивнула и ушла. Нирс подошёл ближе.

— Доктор... вы слишком много делаете для людей. Слишком быстро. Город начнёт говорить.

— Пусть говорит, — ответил Парацельс. — Говорить легче, чем страдать.

— И легче, чем ненавидеть, — добавил Нирс.

Парацельс посмотрел на него. Нирс сказал это не как предупреждение. Как наблюдение — человека, который знал, что ненависть всегда ходит рядом с чудом.

Парацельс отправил Нирса домой, а сам решил ещё немного пройтись, хотелось обдумать сегодняшний день. В переулке снова мелькнула тень. Не та, что шла за ними раньше, — другая. И Парацельс понял: люди могут благодарить его. Люди могут верить ему. Но кто-то уже идёт за ним по следу. И этот кто-то — не ремесленник.

Глава 17. Колба и камень из Аугсбурга

Февральская ночь спустилась на Нюрнберг плотно, как тяжёлое одеяло.

Дом, где сейчас жил Парацельс, стоял тихо, немного в стороне от шумных улиц. Внутри было полутемно: в очаге тлели угли, от них исходил слабый, ровный жар.

Парацельс закрыл дверь, повесил засов и на секунду просто опёрся спиной о стену.

Тело ныло от усталости. Голова хранила голоса — каменщиков, кузнецов, Маргариты. День был насыщен человеческой болью и благодарностью. В углу, у стены, на низком табурете сидел Нирс. Руки у него были спрятаны в рукава, глаза — полуопущены. Казалось, он дремлет, но стоило Парацельсу войти, как он тут же поднял взгляд.

— Вы поздно, доктор, — тихо сказал он.

— Люди не выбирают время, когда болеть, — ответил Парацельс. — А я не выбираю время, когда работать.

Он провёл рукой по лицу, умылся из таза холодной водой, вытерся куском грубого полотна и подошёл к низкому сундуку у стены. Открыл его. Из глубины, где лежали тщательно свёрнутые ткани, две книги и несколько кожаных мешочков, он вынул колбу.

Стекло матовое, толстое, чуть зеленоватое. Внутри — неясно что: густая темнота, местами поблёскивающая, как если бы в ней застыли крупинки металла. Но главное — колба стала... тёплой.

Парацельс провёл ладонью по поверхности — медленно, почти нежно. Стекло отозвалось. Не звуком — ощущением. Как будто под пальцами тихо шевельнулся кто-то спящий.

Нирс напрягся. Он видел это уже не в первый раз, но каждый раз это казалось невозможным. Парацельс сел к столу, положил колбу перед собой и обеими ладонями начал медленно её растирать — как человек, который знает, что этим движением он будит нечто, что лучше бы спало, но не имеет права не будить. Стекло нагрелось ещё сильнее. И вместе с теплом поднялась память.

Он снова был в Аугсбурге.

Город шумел, как огромная кузница. Узкие улицы, высокие дома с крутыми крышами, повозки, крики торговцев, звон монет.

Но сильнее всего — запах: пряности, пот, мокрая шерсть, дым. И где-то над всем этим — лёгкий, едкий запах горных руд: их привозили с севера, с рудников, откуда поступали металлы для больших домов и больших войн. Фломаркт раскинулся на площади у старых стен. Это был рынок остатков и чудес: здесь продавали то, что не нужно богачам, и то, что слишком странно для обычных лавок. Старые книги с вырванными страницами. Половины карт. Сломанные инструменты. Ненужные реторты. Браки каменоломен — камни, которые показались мастерам «не такими».

Парацельс ходил среди этого, как человек, который ищет — и сам не знает, чего именно. Он собирал редкие травы, странные порошки, иногда — фрагменты руды. Алхимики его времени как вороны: всё, что блестит, всё, что ведёт себя «не так», тянуло их к себе.

Он уже собирался уходить, когда увидел стол, на котором кто-то, не очень аккуратно, свалил разные камни: серые, бурые, прожилчатые. За столом сидел продавец — худой, с заострёнными чертами лица, в потёртом плаще. Глаза у него были тусклые, но внимательные.

— Гляди, доктор, если ты доктор, — сказал он, когда Парацельс приблизился. — Тут тебе и из Чехии, и с Альп, и откуда хочешь. Любой на выбор.

Парацельс хотел было уже отмахнуться: всё лежащее перед ним казалось обычным. Он видел такие камни десятки раз. И вдруг — почти в самом конце стола — заметил его.

Кусок камня — размером с детский кулак. Совершенно чёрный. Не блестящий, не прозрачный, без красивых узоров. Чистая матовая тьма.

Но как только Парацельс посмотрел на него, у него возникло необычное ощущение: будто камень не просто лежит, а смотрит в ответ. Парацельс протянул руку.

— Этот.

Продавец усмехнулся:

— Им редко интересуются.

— Почему?

Тот пожал плечами:

— Не нравится он людям. Чересчур глухой. Ни прожилки, ни блеска. Берут то, что поглазеть приятно: зелёное, красное, полосатое. А этот... — он стукнул костяшками пальцев по камню. — Чёрная глушь.

— Откуда он?

Продавец замялся.

— С севера, говорят. Из одной шахты, где уголь да какая-то странная порода. Шахтёры там ночью не любят работать. Говорят, камень «гудит». Я не слышал. Но места там... не для всякого.

Парацельс взял камень в руку. Он был неожиданно лёгким для своего размера. И... чуть тёплым.

— Ты его грел? — спросил Парацельс.

— Кого? — торговец фыркнул. — Камень? С чего бы мне камни греть? Я тебе ещё жаровню тут устрою, да?

Парацельс не ответил. Он перевернул камень в ладони. Чёрная поверхность оставалась такой же матовой, но у него снова возникло ощущение: как будто где-то внутри этой черноты есть глубина, которой не видно, но которая смотрит обратно.

— Беру, — сказал он.

— Да бери, — продавец махнул рукой. — Два крейцера — и иди с Богом.

Он заплатил. Положил камень в мешочек — но ощущение не исчезло: камень не просто лежал. Он присутствовал. Сначала он просто носил его с собой — в сумке, среди других вещей. Иногда, сидя один у огня в дешёвой комнате над постоянным двором, доставал, клал перед собой на стол и смотрел. Камень лежал. Молчал. Чужой, немой, чёрный. Но однажды, когда он долго пытался сосредоточиться над текстом старого трактата о quinta essentia, он заметил, что от камня идёт лёгкое... не тепло и не холод. Скорее чувство, будто в комнате появился кто-то ещё.

«Ты не мёртвый, — подумал он тогда. — Но и не живой. Ты... до всего». И только через несколько дней, когда он уже остановился в другом городе по пути, решил. Он разложил свои немногочисленные алхимические инструменты: небольшой атанор, две-три реторты, ступку, кусок старого железа для нагрева, несколько зелёных и коричневых бутылочек с настоями.

Алхимики его времени гнались за разным: одни хотели золота, другие — лекарства от всех болезней, третьи — ключ к духам. Парацельс хотел четвёртого: он искал ту силу, которая была до разделения на тело и дух, материю и мысль.

Он взял камень. Аккуратно отколол от него маленький фрагмент — так, чтобы не разрушить форму. Этот маленький обломок растёр в ступке до тонкого, сухого порошка. Пыль была серо-чёрная, почти безблесковая. В колбу он налил настой мандрагоры — очень слабый, в каплях, чтобы не перебить всё остальное. Добавил туда микроскопическое количество ртути — не как металла, а как принципа подвижности. Каплю крови летучей мыши — символ ночи и невидимого полёта. Каплю собственной крови — связь с человеческим телом. И наконец — добавил порошок чёрного камня.

Колба стояла над небольшим пламенем атанора. Огонь был ровным, «малым» — не для грубого кипения, а для медленного созревания. Обычные алхимики в такие моменты ждали признаков: дым особого цвета, запах, изменения плотности.

Парацельс ждал другого: будет ли это соединение реагировать на него. Сначала ничего не происходило. Жидкость оставалась тёмной, густой. Потом на поверхности появился лёгкий, почти невидимый налёт — не плесени, не осадка, а как если бы тончайшая плёнка отделяла содержимое от воздуха.

И вдруг колба — чуть-чуть — дрогнула. Не от огня. От чего-то изнутри. Парацельс осторожно взял её в руки. Стекло было не просто тёплым — оно хранило в себе ровное тепло, не похожее на обычный нагрев.

И в глубине, среди взвеси, мелькнула едва уловимая нить света. Не яркая, не красочная — скорее, как если бы часть темноты стала более плотной. Он почувствовал не страх — напряжённую радость, ту самую, что испытывает врач, когда больной вдруг делает первый вдох.

«Non daemon... non angelus...» *Не демон. Не ангел.* Тогда он сделал главное: запечатал горлышко воском и тонким слоем смолы, чтобы воздух больше не входил и не выходил.

Так родилась колба.

...Теперь, много позже, в Нюрнберге, сидя за своим столом, он держал ту самую колбу в руках. Стекло опять было тёплым. Даже горячим.

Он потёр её ладонями — и ощущение усилилось.

Где-то внутри, в чёрной глубине, нечто как будто шевельнулось — не как зверь, а как идея, которая вспоминает, что она есть.

— Значит, ты жив, — сказал он тихо, не то камню, не то воздуху. — И ты слышишь.

Он протянул ладонь к окну. Там, где кончики пальцев коснулись стекла, запотевшая поверхность дрогнула — и отражение исчезло. Остался лишь тёмный отблеск ночи.

Нирс поднялся с табурета и подошёл ближе, но всё ещё держался в тени.

— Доктор, — тихо сказал он, — каждый раз, когда вы берёте её в руки... в комнате становится... не так.

— Как? — спросил Парацельс, не отрывая взгляда от колбы.

— Будто воздух становится тяжелее. И свет... — он поискал слово, — плотнее.

Парацельс немного отстранил колбу, посмотрел на неё, как на собеседника.

— Это не вещь, Нирс. Но это и не дух. Это... природа. Такой, какой она была, когда ещё не было ни Галена, ни Авиценны, ни всех наших красивых слов.

Нирс выдал вопрос, который боялся задавать:

— Это живое?

Парацельс помедлил. Ответил спокойно:

— Не живое. Но если дать этому слишком много власти... оно может начать жить за нас.

— Это невозможно, — прошептал он.

— Всё невозможно — пока не измерено, — тихо ответил Парацельс. — Видишь? — он поднял колбу к свету.

Тень внутри как будто шевельнулась сильнее, будто реагировала.

— Оно... смотрит, — сказал Петер.

— Нет. Оно узнаёт.

Он осторожно поставил колбу обратно.

— Тебе страшно?

— Да.

— Хорошо. Страх — это вторая половина знания. Без него всё остальное — гордыня.

Петер хотел что-то ответить, но в этот момент где-то внизу, под полом, звякнули инструменты — как будто сами собой.

Он побледнел.

— Это ветер, — сказал Парацельс, но глаза его блеснули тихой улыбкой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.